

0-734009-1

На правах рукописи

БАРАНОВ Виктор Аркадьевич

**ФОРМИРОВАНИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2003

Работа выполнена в лаборатории по автоматизации
филологических работ Удмуртского государственного университета

Научный консультант

доктор филологических наук
профессор В.М. Марков

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
профессор Е.М. Верещагин
доктор филологических наук
профессор Г.А. Николаев
доктор филологических наук
профессор М.В. Шульга

Ведущая организация:

Омский государственный уни-
верситет

Защита состоится 15 мая 2003 г. в _____ час. на заседании диссер-
тационного совета Д 212.081.05 в Казанском государственном универ-
ситете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ка-
занского государственного университета.

Автореферат разослан "12" апреля 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н. доцент

А.В. Шарипова

Актуальность темы. Актуальность исследования определительных категорий в истории русского языка обусловлена тем, что, несмотря на большое количество работ, посвященных истории прилагательных (Е.С. Истрина, И.С. Трубецкой, В.М. Жирмунский, Н.С. Валгина, В.А. Романовская, В.Л. Георгиева, М.И. Пигин, С.В. Фролова, В.В. Бородич, Н.Ф. Иванова, В.М. Марков, Н.Д. Жихарева, Н.П. Зверковская, В.З. Санников, В.В. Иванов, В.В. Алымов, А.П. Юдакин, Р.Н. Мароевич, Т.П. Заиконникова, Г.П. Снетова, А.М. Кузнецов, Н.А. Нечунаева, Н.Ю. Гурьева, О.Ф. Жолобов, Л.И. Игнатьева, А.А. Гиппиус, О.В. Кукушкина, Г.А. Николаев, Т.П. Трошкина, А.А. Котов, Н.И. Толстой и др.) и истории наречий (А.П. Юдакин, Е.И. Янович, Т.А. Волопина, Д.Г. Демидов, А.К. Коневецкий, В.С. Ефимова, Н.В. Чурмаева, Д.Н. Шмелев и др.) (исследования проводились в первую очередь на материале оригинальных древнерусских памятников), до настоящего времени окончательно не выяснены семантико-грамматические предпосылки процесса их становления как особых лексико-грамматических классов и механизм их формирования, остаются не раскрытыми роль синтагматических связей и отношений, а также этапы и формы грамматикализации категорий, не раскрыта их связь с категорией первичного нерасчлененного имени, практически отсутствуют сведения об изменении активности прилагательных и наречий в древнерусском языке и об объективных критериях, позволяющих судить о стадиях их становления, и многие другие вопросы. Дело осложняется тем, что традиционное представление об определительных категориях древнерусского языка, во многом обусловленное знаниями современной грамматической системы, не соответствует реальной функционально-грамматической нагрузке этих образований в древнейший период. Одна из причин этого — отсутствие формальных различий, например, между современными местоименными формами прилагательных и древнерусскими членными определительными именами, между современными наречиями на -о и функционировавшими в древнерусских текстах аналогичными нечленными образованиями, между современными так называемыми субстантивными прилагательными и древнерусскими членными именами в независимой позиции.

Не соответствует действительности традиционное мнение о том, что к началу письменного периода лексико-грамматический класс имен прилагательных и категория определительных наречий уже сложились и представляют собой аналогичные современным группы образований, а их пополнение в древнерусский период представляет со-

бой словообразовательный процесс по существующим в языке моделям. Открытым остается вопрос о категориальном статусе членных имен, которые квалифицируются то как прилагательные, то как субстантивированные прилагательные, то как компоненты неполных составных наименований и т. д., не решен вопрос о частеречной принадлежности характеризующих звательных образований, требует специального изучения проблема грамматического значения притяжательных форм, спорной является категориальная квалификация характеризующих слов с мягкой основой и многое другое.

Найти ответы на эти вопросы можно в том случае, если при анализе материала отказаться от перенесения на древнерусскую грамматическую систему категорий и отношений современного русского языка. Факты свидетельствуют о том, что в древних славянских, в частности древнерусских, текстах существуют хоть и затемненные словообразовательными и грамматическими дифференциаторами, но все же показательные примеры функционирования нерасчлененного имени.

Традиционно при изучении становления существительных и прилагательных как обособленных классов слов в процессе их синтаксической, словообразовательной и семантико-понятийной специализации исследователи обращают внимание на их различия в функционировании и на различия в формах. В стороне остаются особенности, заставляющие скорее объединять, нежели дифференцировать факты древнерусского языка. Анализ синтаксических и морфологических явлений в древнейших переводных гимнографических текстах дает возможность увидеть тот этап существования нерасчлененного имени, когда оно еще продолжает функционировать как единый грамматический класс слов, тот этап, который, как принято считать, предшествует времени создания первых письменных памятников.

Актуальность темы определяется также выбором источников. В работе становление определительных категорий рассматривается на материале древнейших служебных миней и некоторых других богослужебных текстов. Традиционно принято считать, что тексты конфессионального характера не подвергаются значительному лексическому и грамматическому изменению в процессе бытования — копирование рукописи не может приводить ни к изменению лексического состава, ни к перестройке грамматической структуры синтагм. При таком понимании истории текста существующие разночтения в его списках интерпретируются как результат sprawy и редактирования или объясняются различными протографами рукописей. Отличающиеся же друг от друга языковые закономерности, выявленные в

ходе анализа разновременных списков с *разными переводными текстами* одного жанра и стиля, понимаются как результат различных переводческих традиций, объясняются разным временем и местом переводов, традициями писцовых школ, иначе говоря – характером языковой ситуации, в которой создается и бытует конкретный перевод.

В то же время древнейшие памятники церковно-книжного (конфессионально-гимнографического, например служебные минеи, и конфессионально-литургического жанров, например Евангелия) являются ценнейшим, а в ряде случаев незаменимым источником для изучения формирования не только литературно-письменных норм, но и норм русского языка в целом. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные и достаточно показательные параллели в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе современного русского разговорного литературного и диалектного языка, соотносимые с соответствующими особенностями славяно-книжного языка Средневековья.

Практически в любой лингвистической работе, посвященной проблемам развития русского языка, в большей или меньшей мере привлекаются данные богослужебных рукописей, см., например, работы А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, Н.Н. Дурново, И.И. Срезневского, Р.Ф. Брандта, М. Козловского, И.В. Ягича, С.П. Обнорского, Н.А. Мещерского, А.С. Львова, П.С. Кузнецова, Л.П. Жуковской, Б.А. Успенского, В.В. Колесова, Г.А. Хабургаева, Е.М. Верещагина, В.Б. Крысько, О.Ф. Жолобова и др. Некоторые из работ, в которых рассматриваются общие и частные вопросы развития русского языка, выполнены на материале текстов традиционного содержания (В.М. Марков, Н.А. Нечунаева). Наиболее подробно с точки зрения отражения собственно русских языковых особенностей к настоящему времени изучены древнерусские евангельские рукописи, что понятно: среди древнейших памятников Евангелия занимают первое место по количеству дошедших до нашего времени экземпляров. Работы М. Козловского, А.Х. Востокова, Г.А. Воскресенского, Н.Л. Горина, А.С. Львова, Н.И. Толстого, Л.П. Жуковской, С.Ю. Темчина и др. доказали огромную ценность древнерусских Евангелий для исследования истории русского языка. Нет практически ни одной лингвистической работы, в которой при исследовании разных уровней русского языка ученые не привлекали бы данные древнейших евангельских рукописей.

По числу сохранившихся до нашего времени рукописей служебные минеи занимают, как известно, второе место. Начало исследований языка и текстологии служебных миней положено И.В. Ягичем. К

сожалению, после работ М.Г. Попруженко, М.И. Карнеевой, В.А. Комаровича и С.П. Обнорского миней практически оказались забыты как текстологами, так и лингвистами. Среди причин этого не всегда бесспорные выводы И.В. Ягича относительно достоинств языка служебных миней и их роли в формировании норм русского литературного языка.

К концу XX в. интерес к служебным минеям несколько возрос. Несомненно, толчком к этому послужил выход в свет в 1964 г. монографии В.М. Маркова "К истории редуцированных гласных в русском языке", в которой на материале Путятиной миней XI в. раскрываются причины одного из основных языковых процессов древнерусского периода — падения редуцированных гласных.

На протяжении последующих тридцати с небольшим лет древнейшие служебные миней стали предметом исследования многих ученых. Материал миней составил основу графико-орфографических и фонетических (В.В. Колесов), словообразовательных (В.К. Машет, Н.А. Нечунаева, Ц. Досева), текстологических (М.Ф. Мурьянов, Е.М. Верещагин, Н.А. Нечунаева, Ц. Досева), лексикологических (Е.Э. Гранстрем, Ц. Досева, Н.А. Нечунаева, Л.И. Щеголева, Т.А. Сумникова), общепилологических (М.И. Мулич, Л.И. Щеголева, В.А. Матвеев), сравнительно-исторических (Ц. Досева, Л.И. Щеголева, В.А. Матвеев) исследований, было продолжено начинание И.В. Ягича по изданию комплекта служебных миней (Е.М. Верещагин, Х. Рот). В работах Н.А. Нечунаевой проведено глубокое текстологическое изучение всех сохранившихся славянских списков служебных миней XI–XV вв., исследованы их редакции, сделаны выводы о древности того или иного типа миней и конкретных рукописей, а также о соотношении редакций с первоначальными переводами гимнографических текстов.

Однако в связи с тем, что славяно-книжные тексты XI–XIV вв. традиционно рассматривались лишь как второстепенный по значимости (после оригинальных средневековых русских сочинений) источник для изучения истории русского языка, их собственно текстовые и, соответственно, языковые черты до настоящего времени исследованы фрагментарно и в недостаточной мере. Если некоторые графико-орфографические, фонетические и словообразовательные особенности древнейших служебных миней были предметом изучения, то этого никак нельзя сказать об их морфологических, синтаксических и семантических особенностях.

Нет сомнения в том, что роль текстов традиционного состава в формировании грамматических категорий русского языка явно недо-

оценена. Именно такие тексты, в которых изменения на всех уровнях происходят медленно в силу священности жанра, являются показательными с точки зрения отражения в них активно развивающихся в русском языке грамматических категорий.

Выбор служебных миней в качестве основного источника обусловлен особым характером и лексико-грамматическим составом гимнографических памятников. В чтениях в память почитаемых церковью лиц и сверхлиц используется большое количество характеризующих слов. Именно такие имена составляют семантическую и грамматическую базу аллюзивных по характеру текстов.

Древнеславянский текст, текст священного писания, литургические тексты представляют собой объект лингвистического исследования особого рода. Какая бы проблема ни стояла перед историком языка, в центре внимания неизбежно оказывается понимание текста. Именно понимание и интерпретация становятся наиболее сложными для современного человека, так как древний текст — это принципиально иной речевой и языковой объект. Одной из его особенностей является построение из воспроизводимых символов, которые делали повествование содержательно глубоким и философски значимым, объемным для средневекового читателя. В отличие от современного текста, в основе которого лежат понятийно-логические принципы построения, родо-видовая иерархия и системная противопоставленность языковых знаков, древний текст состоял из синкретичных словесных компонентов. Видением целого образа через образность каждой составляющей его синкреты достигались содержание, перспектива и цельность текста.

В то же время каждый словесный образ оформлялся, а тем самым существовал и воспринимался только в контексте. Только текст в совокупности всех словесных знаков создавал семантическое наполнение конкретной формы. В употреблении проявлялись смысловые, а соответственно, и грамматические характеристики формы. В тексте слово представало как синкрета, семантическая особенность которой заключалась в множественной валентности слова при одновременной смысловой цельности.

Если вопрос о семантическом синкретизме древнего слова достаточно хорошо изучен (А.А. Потебня, В.В. Колесов, Г.А. Николаев и др.) и можно говорить о том, что в науке выработан достаточно точный, адекватный материалу метод интерпретации смысла древнего текста и его составляющих (Н.А. Мещерский, А.С. Львов, Н.И. Толстой, Б.А. Успенский, А.А. Зализняк, В.В. Колесов, Е.М. Верещагин, В.Ф. Дубровина, М.А. Момина, В.М. Живов,

А.А. Алексеев, М.В. Иванова, Л.Г. Панин, В.Б. Крысько и др.), то проблема грамматического, категориального синкретизма еще не разработана в достаточной мере.

Одним из наиболее актуальных вопросов исторической грамматики является вопрос о категориальном статусе имен прилагательных в различные периоды истории русского языка. В силу генетической связи с категорией нерасчлененного имени, в силу той значимости, которую прилагательные имеют в средневековых текстах конфессионального, философско-поучительного жанров, а следовательно, и в литературных, образцовых текстах в целом, в силу той роли, которую прилагательные сыграли в истории русского языка в ходе формирования абстрактно-понятийного аппарата мышления, именно эта грамматическая категория нуждается в специальном лингвистическом исследовании с точки зрения функции и определения категориального статуса в разные периоды становления этой части речи.

Если говорить о функционировании прилагательных, субстантиватов и наречий, то можно ожидать, что разновременные рукописи богослужебных текстов будут давать относительно однородный материал, ориентированный на традицию, но не на новации, а значит, ни в разновременных списках одного текста, ни в рукописях с разными текстами не будут выявлены однонаправленные тенденции изменения и развития определительных категорий как особых классов слов, не будут проявляться частные особенности функционирования групп и разрядов прилагательных и наречий и отдельных их форм. Как будто бы это должен быть от рукописи к рукописи, с одной стороны, пестрый и несистематизируемый материал, а с другой — достаточно стабильный в своих формах и грамматической и лексической семантике.

Однако данные богослужебных текстов не подтверждают этого предположения: анализ позволяет не только увидеть тенденции в изменении функциональной нагруженности прилагательных, субстантиватов и наречий, в их активности и в их образовании, но и выявить причины изменений в сфере этих лексико-грамматических классов слов в целом.

Обнаруженные закономерности дают возможность во многом иначе посмотреть на неизбежную пестроту материала и на частный факт конкретного употребления или разночтения: это уже не только результаты sprawy, редактирования, отражения местных особенностей и т. п., но факты общей перестройки данного звена языковой системы, в которой функционирует, бытует текст. Взаимообусловленность тенденций развития прилагательных и наречий дает право говорить о ярком отражении в текстах служебных миней общих и частных языко-

вых изменений, связанных с формированием и становлением нескольких определительных категорий русского языка – имен прилагательных, субстантиватов, предикативов и наречий.

Следует особо отметить, что проведенные к настоящему времени исследования графико-орфографических и фонетических особенностей (работы В.М. Маркова, В.В. Колесова, В.К. Машет, Н.А. Нечунаевой и автора данного исследования) доказывают, что богослужебные тексты являются не только *полноценными* источниками для изучения истории русского языка, в частности фонетики, но иногда и более *чуткими* к начавшимся языковым изменениям, чем тексты светские.

Таким образом, **необходимость специального исследования, посвященного истории указанных грамматических категорий, и его актуальность** определяется:

- неразработанностью до настоящего времени проблемы формирования в древнерусском языке основных лексико-грамматических определительных категорий – категории имени прилагательного, субстантиватов, предикативов, а также группы определительных наречий;
- отсутствием исторического подхода к категориальной квалификации определительных имен в древнерусских текстах различных жанров;
- отсутствием понимания механизма протекания процесса дифференциации первичного нерасчлененного имени и взаимосвязи факторов, определяющих направление, основные этапы и результаты изменений, а также
- отсутствием представлений о роли в процессе формирования имени прилагательного, субстантивата, предикатива, наречия традиционных для русской письменности богослужебных текстов, в частности служебных миней.

Объектом нашего исследования стали формирующиеся в древнерусском языке грамматические категории имени прилагательного, субстантивата и наречия. В центре исследования – особенности употребления (функция в синтагме), семантика (в первую очередь грамматическая) и категориальный статус форм с характеризующим значением.

Предметом исследования стало функционирование нечленных и членных форм характеризующих имен в качестве приименных и приглагольных определителей, а также в независимом (абсолютном) употреблении в древнейших славянских памятниках.

Целью исследования является:

выявление причин и механизма формирования определительных категорий имени прилагательного, субстантивата и наречия в древнерусском языке на базе первичного нерасчлененного имени;

- определение роли каждого из факторов развития определительных категорий и характера взаимодействия этих факторов в ходе окончательного утверждения категорий;
- обоснование значимости богослужебных текстов для формирования определительных категорий, доказательство исключительной ценности таких текстов для исследования грамматической системы древнерусского языка в целом.

Задачи исследования:

- доказать существование в древнерусском языке особой категории нерасчлененного имени с характеризующим значением;
- выявить формальные специализированные способы выражения характеристики в первичных именах;
- доказать первичную субстанциональность членных характеризующих имен;
- выявить основные факторы, определяющие распад первичного имени на субстантиват, имя прилагательное и предикатив;
- определить синтаксические условия дифференциации первичного характеризующего членного имени на субстантиват и приименное определение – имя прилагательное;
- выявить роль пре- и постпозиции в становлении каждой из формирующихся категорий;
- выявить факторы активизации определительных наречий в истории русского языка;
- доказать связь между активизацией приглагольных определителей, образованных от прилагательных, и окончательной сформированностью лексико-грамматической категории имени прилагательного.

Особенностью работы с памятниками стало привлечение к анализу всех имеющихся в рукописях определительных образований, так как мы считаем принципиально важным решать проблемы исторической грамматики не только на основе анализа отдельных показательных фактов, анализа разночтений и сопоставления архаизмов и новаций в рукописях, но и на основе показательных изменений в функционировании всего корпуса анализируемых образований.

Пытаясь разобраться в условиях, причинах и механизме формирования определительных категорий в русском языке, мы должны учитывать, что любое изменение в одном из звеньев грамматической сис-

тсмы языка неизбежно приводит к подвижкам в других ее звеньях. И, пожалуй, самое сложное в историческом исследовании — это увидеть и описать взаимосвязь и взаимозависимость происходящих сдвигов, представить развитие исследуемых объектов 1) как процесс, обусловленный множеством разнородных факторов, не всегда имеющих непосредственную связь с анализируемым фактом языка, но опосредованно влияющих на его проявление в истории, 2) как процесс, единый в своей направленности от древнего состояния функционирующей системы к ее современному виду. Увидеть, показать и понять эти связи и отношения было основной целью работы.

Основными источниками исследования стали несколько текстов новгородских служебных миней XI–XIV вв.: служебная минея на май XI в., Путятин минея (РНБ, Соф. 202, 135 л.; СК № 21) (ПМ), служебная минея на июнь, минея Дубровского (РНБ, Ф.п.I.36., 15 л.; СК № 22) (МД), служебная минея на апрель XII в. (РНБ, Соф. 199, 48 л.; СК № 88) (М12), служебная минея на май XIII в. (РНБ, Соф. 204, 133 л.; СК № 282) (М13), служебная минея на март XIV в. (РНБ, Соф. 198, 133 л.) (М14). Кроме того, в работе использованы данные трех изданных И.В. Ягичем миней конца XI в.: служебных миней на сентябрь, ок. 1095 г. (РГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 84, 176 л.; СК № 7) (М1095), октябрь, 1096 г. (РГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 89, 127 л.; СК № 8) (М1096) и ноябрь, 1097 г. (РГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 91, 174 л.; СК № 9) (М1097).

В работах В.И. Ягича и Н.А. Нечунаевой доказано единство текстов служебных миней русского извода вплоть до конца XIV в. и с точки зрения протографов, и с точки зрения традиций в составе и следовании служб (структуры и состава), и с точки зрения писцовой школы, и с точки зрения использования некоторых языковых средств.

Среди памятников своей архаичностью выделяется Путятин минея, древнейшая из всех сохранившихся русских миней. Палеография, графика, орфография, языковые особенности этого памятника неоднократно становились предметом исследования ученых (А.Х. Востоков, А.А. Шахматов, Н.Н. Дурново, И.К. Куприянов, митр. Макарий, И. Огиенко, А.И. Соболевский, Е.Е. Голубинский, Н.Н. Розов, И.И. Срезневский, Е.Ф. Карский, К.М. Куев, Е.Э. Гранстрем, Н.А. Нечунаева). Исключительная древность ПМ подтверждается также тем, что она принадлежит к особой редакции гимнографических текстов, значительно отличающейся от других.

Помимо материала указанных памятников, для исследования привлекаются данные некоторых древнейших русских и старославянских рукописей. Это в первую очередь 11 рукописей и отрывков конца

XI в. и первой половины XII в. (включая МД): Слуцкая псалтырь (СПс), Туровские листки (ТЛ), Евгениевская псалтырь (ЕПс), Житие Кондрата (ЖК), Житие Феклы (ЖФ), Бычковская псалтырь (БПс), Реймское евангелие (РЕ), Листок Викторова (ЛВ), Русская часть Саввиной книги (Сав), Ленинградская минея (ЛМ), которые объединены тем, что все они написаны на Руси; а также 18 старославянских текстов, составивших корпус Старославянского словаря¹ [ССС]: Зографское, Мариинское, Ассеманиево Евангелия, Супрасльская рукопись, Синайская псалтырь, Синайский евхологий и др.

Использование в исследовании о древнерусском письменном языке материала старославянских текстов является необходимым условием выявления и правильной оценки собственно восточнославянских фактов и изменений, отличающих древнерусские тексты от старославянских, и верной интерпретации обнаруженных в разновременных русских богослужебных памятниках происходящих в XI–XIV вв. изменений.

В качестве основных методов исследования выбраны исторический, сравнительно-исторический и метод системного анализа. Кроме того, используется количественный метод и элементы статистического метода.

При исследовании разновременных текстов одного жанра и одной локализации продуктивным в рамках исторического метода является выявление разночтений, свидетельствующих о происходящих в древнерусской языковой системе изменениях. Посинтагменный анализ практически всех разночтений, представляющих интересующий нас материал, дает возможность увидеть не только результаты изменений, но и причины и механизм, которые определяют направление изменений и являются их основой.

Хорошо известно, что при работе с древнейшими рукописями плодотворным и результативным является сравнительный анализ текстов одного жанра, имеющих одно происхождение, написанных (переписанных) на одной территории, но *в разное время*. При таком сопоставлении, с одной стороны, выявляются необходимые для анализа разночтения, с другой – на фоне разножанровых памятников того же периода выявляются общие особенности исследуемых текстов.

Применение количественного и элементов статистического анализа дает возможность увидеть общезыковые тенденции изменений анализируемых категорий. Использование всего корпуса определи-

¹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.

тельных форм позволяет сопоставить относительные данные по каждому из текстов и увидеть динамику и направления изменений форм выражения и грамматического значения определительных образований от памятников старославянского языка различной локализации и времени создания до древнерусских текстов XIV в. Их использование дает возможность на каждом этапе исследования соотносить результаты анализа, полученные традиционными лингвистическими методами, с выявленной в текстах нормой употребления рассматриваемых форм и с теми изменениями в активности анализируемых образований, которые происходят в разновременных текстах служебных миней XI–XIV вв.

Таким образом, объективность наших выводов обеспечивается, во-первых, полнотой выборки по каждому из текстов и, во-вторых, соотносимостью полученных количественных и статистических данных в текстах разных периодов и языковых систем (древнерусской и старославянской) между собой. Выводы, полученные с помощью количественного и статистического методов, не противоречат выводам в разделах, где применены традиционные для исторического языкознания методы.

Использование средств компьютерной обработки материала позволило решить основные задачи, связанные с выборкой и предварительной количественной и статистической оценкой данных. В то же время создание самих средств обработки древнерусских текстов представляла отдельный круг задач, которые к настоящему времени удалось решить. Теоретические подходы к проблеме представления сложных по структуре и составу древних славянских текстов в ЭВМ и практические результаты изложены во многих публикациях автора.

Для обеспечения ввода, хранения, поиска, выборки и первичной обработки больших объемов текстового материала необходимо было: провести исследования состава и структуры древних славянских памятников с целью представления их в компьютерных базах данных; разработать принципы минимизации графико-орфографических и структурно-композиционных составляющих рукописей; провести предварительную лингвистическую обработку текстов с целью их ввода и представления в формате баз данных; провести исследование электронных образов текстов с точки зрения конвертирования данных в структуры словарного и справочного типа; разработать принципы и требования к специализированному текстовому процессору, способному обеспечить работу со сложной структурой древних славянских текстов; разработать и создать базы данных и текстовый процессор; заполнить базы данных исследуемыми текстами; создать полнотек-

стовые базы данных, включающие, в частности, сведения о морфологических значениях слов и словоформ текстов.

Создание текстового процессора (редактора) и проектирование и создание баз данных было осуществлено творческим коллективом, который возглавляет автор данной работы.

Использование Системы обработки текстов и баз данных, созданных на ее основе, позволило получить необходимые для исследования проблемы формирования определительных категорий в древнерусском языке первичные данные: была проведена выборка всех форм, удовлетворяющих необходимым условиям – именных и членных образований, звательных форм, наречий и др.; была сделана первичная количественная оценка форм каждой из групп анализируемых образований; были созданы сравнительные указатели, которые позволили выявить круг представленных во всех текстах образований и форм, встречающихся только в нескольких или в одной рукописи. Наглядное представление полученных количественных данных осуществлено с помощью стандартных компьютерных программ работы с таблицами.

Полученные первичные количественные данные по каждому из текстов были сопоставлены между собой и представлены как соотношение относительных данных – относительного количества употреблений, употребительности и активности использования тех или иных форм для выражения определенного грамматического значения.

Сопоставление количественных данных древнерусских и старославянских текстов и выводы о динамике изменений количественных показателей каждой группы образований были использованы для выявления тенденций и направления изменений в русском языке на протяжении XI–XIV вв. Полученные результаты дали возможность показать частные факты текста, отдельные разночтения как проявления генеральных тенденций формирования и развития определительных категорий в истории русского языка.

Научная новизна исследования заключается

- в доказательстве существования в начальный древнерусский период категориальной синкреты как особой именной категории, функционирующей в богослужебных текстах в качестве определительного и/или субстанционального компонента синтагмы;
- в выявлении причин, механизма и этапов формирования специализированных форм приименных и приглагольных определительных категорий – членных имен прилагательных и группы определительных наречий, а также субстантиватов и исчисленных предикативов;

- в выявлении основных специализированных форм для выражения характеристики в древних славянских текстах и причин замены одной морфологизованной определительной формы на другую;
- в обосновании первичности субстанциональной семантики членных имен и в доказательстве происхождения субстантиватов как особой грамматической категории непосредственно от нерасчлененного первичного имени;
- в выявлении роли синтагматических условий во взаимообусловленном формировании прилагательного, предикатива и субстантивата;
- в выявлении критериев оценки сформированности имени прилагательного как особой лексико-грамматической категории на основе изменения активности приглагольных определительных наречий;
- а также в обосновании роли средневековых конфессиональных текстов в становлении определительных категорий в истории русского языка и в доказательстве их неоспоримой и исключительной ценности для исследования вопросов исторической грамматики русского языка.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что процесс формирования имени прилагательного, субстантивата, предикатива и определительного наречия представлен как результат закономерного развития категории характеризующего нерасчлененного имени и как результат выработки специализированных средств для выражения понятия о признаке, все более и более отторгасмом от понятия субстанции.

Знание условий, причин и механизма формирования определительных категорий во взаимообусловленности семантических, синтагматических и грамматических факторов дает возможность объективно представить древнерусскую языковую систему в ее цельности и одновременно семантико-грамматической гибкости и подвижности.

Выявление функционально-грамматической нагрузки определительных имен на каждом из этапов от первичного нерасчлененного имени до окончательно оформившихся в древнерусском языке специализированных категорий позволяет во многом более адекватно древнему языковому сознанию понять, а следовательно, и интерпретировать сегодня древние славянские тексты.

Теоретическая значимость работы заключается также в том, что доказана необходимость более активного привлечения богослужебных текстов к исследованиям в области исторической грамматики как текстов исключительных по отражению в них развивающихся в древнерусском языке категорий.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть основой для дальнейшей разработки нерешенных проблем исторической грамматики, лексикологии, синтаксиса и словообразования.

Результаты исследования могут стать базой для решения широкого круга задач, связанных с проблемой соотношения древнейших славянских переводов и их греческих оригиналов.

Результаты исследования могут быть использованы в курсах по исторической грамматике, истории русского литературного языка, исторической стилистике, историческому словообразованию, исторической лексикологии, а также в курсах современного русского языка для интерпретации сложных случаев недифференцированного выражения грамматических значений в современном русском языке.

Практическая значимость заключается также в том, что в работе обоснована необходимость учитывать при анализе средневековых текстов существование категориальных синкрет с широкой определительной семантикой, что снимает многие вопросы грамматической и семантической квалификации и интерпретации определительных имен на уровне синтагмы.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке общетеоретических и практических вопросов исторической лексикографии, при разработке новых типов исторических словарей.

Апробация работы. Результаты проведенных исследований были представлены на 27 международных, российских, региональных и межвузовских конференциях, среди них: международная научная конференция "Сопоставительное описание статике и динамики современного русского языка в теоретическом и прикладном аспектах", Братислава (Словакия), 1997 г.; симпозиум, посвященный 70-летию проф. Р. Вечерки, Брно (Чехия), 1998 г.; международный симпозиум "Изучение славянских языков, литератур и культур в инославянской среде", посвященный 120-летию кафедры русского языка и 50-летию Славистического общества Сербии, Белград (Югославия), 1998 г.; IV международная конференция "Теория и практика преподавания славянских языков", Печ (Венгрия), 1998 г.; симпозиум, посвященный 70-летию проф. С. Жажи, Брно (Чехия), 1999 г.; международная конференция "Интернет. Общество. Личность. ИОЛ-2000. Новые информационно-педагогические технологии", Санкт-Петербург, 2000 г.; всероссийская конференция, "Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании", Подмосковье, "Боровое", 2000 г.; международная научная конференция, посвященная 85-летию профессора Б.Н. Головина "Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина", Н. Новгород, 2001 г.; междуна-

родная научная конференция “Бодуэновские чтения. Бодуэн де Куртено и современная лингвистика”, Казань, 2001; всероссийская научная конференция “Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи”, посвященная 85-летию высшего профессионального образования на Урале. Соликамск, 2002 г.; XIII конференция Ассоциации АИК, Санкт-Петербург, 2002 г.; международная научная конференция “Язык в пространстве и времени”, Самара, 2002 г.; международная научная конференция “Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы”, Москва, МГУ, 2003 г.; российские университетско-академические научно-практические конференции в Удмуртском университете, Ижевск, 1995, 1999, 2001 гг.

По теме диссертации опубликована 41 работа (15,2 п. л.), а также монография “Формирование определительных категорий в истории русского языка”, 2003 г. (22,8 п. л.). Автором (в соавторстве с проф. В.М. Марковым) подготовлено издание Путятиной минеи, включающее текст, археографический, палеографический и иные комментарии, а также справочные материалы – полный грамматический указатель, обратные и количественные указатели (38,5 а. л., Издательский дом “Удмуртский университет”).

Теоретические и прикладные исследования палеографических, графико-орфографических, фонетических и грамматических особенностей древних славянских текстов, результаты которых отражены в диссертационной работе, неоднократно поддержаны Министерством образования РФ, российскими и международными научными фондами (автор работы являлся и является руководителем, соруководителем и исполнителем данных научно-исследовательских проектов), среди них: проект “Древнерусские богослужебные тексты как источник изучения истории русского языка и культуры: подготовка к изданию Майской служебной минеи XI в. (Путятиной)”, международный научный фонд (фонд Сороса), № Z17000/551, 1994, соруководитель, руководитель – проф. В.М.Марков; проект “Древнерусские богослужебные тексты как источник изучения истории русского языка и культуры”, Государственный комитет по высшему образованию, программа “Русский язык, история, культура”, головная организация – Московский госпедуниверситет; № 19с/94, 1994-1995 гг., соруководитель, руководитель – проф. В.М.Марков; проект “Малоизвестные древнерусские рукописи – мировой науке и культуре”, Институт “Открытое Общество” (Фонд Сороса), № 1BE984, 2000-2002 гг., руководитель; проект “Издание новгородской служебной минеи за май (Путятиной минеи), XI в.”, РГНФ, № 00-04-16220, 2000 г., руководитель; проект “Инфор-

мационно-поисковая система по древнерусским текстам", РГНФ, № 01-04-12027в, 2001-2003 гг., руководитель; проект "Лингвотекстологическое сопоставление графико-орфографических и фонетических вариантов в текстах Новгородских Евангелий XII-XIII вв. (редуцированные гласные)", Министерство образования РФ, Федеральная целевая программа "Русский язык", госконтракт № 183, 2001 г., руководитель; проект "Специализированный редактор для обработки и исследования древнейших славянских рукописных памятников", РФФИ, № 02-07-90318в, 2002-2003, исполнитель, руководитель – к.ф.-м.н. А.А.Вотинцев; проект "Многотекстовая информационно-поисковая система по древнерусским письменным памятникам "MANUSCRIPT", РФФИ, № 02-07-90424в, 2002-2004 гг., руководитель; проект "Полнотекстовые базы данных и проблемы издания славянских рукописных памятников", РФФИ, № 02-07-99602, 2002 г., исполнитель, руководитель к.ф.н., доц. С.А. Никифорова. По каждому из выполненных проектов сданы итоговые и промежуточные отчеты. Отчеты утверждены соответствующими государственными организациями и фондами.

Практическим результатом работы над служебными минеями является подготовленная автором полнотекстовая база данных, содержащая несколько видов текста ПМ (оригинальный, преобразованный, нормализованный) и справочные материалы (полный грамматический указатель, обратные и количественные указатели начальных форм и словоформ). База доступна в сети Интернет по адресу: <http://io.udsu.ru/ptm/>.

Работа по исследованию проблемы формирования определительных категорий в истории русского языка выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 02-07-90424в) (подготовка баз данных служебных миней, создание справочных материалов, выборка форм, количественный и статистический анализ данных) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-04-12027в) (графико-орфографический, фонетический и морфологический анализ памятников, подготовка базы данных Путятиной миней).

Для получения первичных данных исследуемых текстов использован разрабатываемый в лаборатории по автоматизации филологических работ Удмуртского госуниверситета некоммерческий программный продукт "Манускрипт" (Система обработки древних текстов и текстовый процессор), создание которого на разных этапах было поддержано и поддерживается в настоящее время Российским фондом фундаментальных исследований (проекты № 02-07-90424в, № 02-07-

90318в), Российским гуманитарным научным фондом (проект № 01-04-12027в), Институтом "Открытое Общество" (Фонд Сороса) (проект № IBE984).

На защиту выносятся следующие основные положения работы:

- В древнейших славянских письменных памятниках функционировали первичные нерасчлененные имена – категориальные синкреты, которые и в абсолютном употреблении, и как компоненты составного наименования обладали субстанционально-характеризующими грамматическими свойствами. Наиболее ярко категориальный синкретизм проявлялся у притяжательных имен, у характеризующих имен в звательной форме и у некоторых суффиксальных отыменных образований.
- Членные формы определительных имен на начальном этапе являлись субстанционально-характеризующими образованиями, семантика и грамматическое значение которых определялись контекстом. Независимое и приименное употребление членных образований постепенно формирует грамматическую омонимию субстантиватов и имен прилагательных.
- В качестве компонента составного наименования членные и нечленные характеризующие имена при постпозиционном употреблении сохраняли субстантивные свойства.
- Становление имени прилагательного как особой лексико-грамматической категории происходит в процессе семантико-грамматического и позиционно-функционального размежевания в древнерусской синтагме одноосновных приименного определителя, независимого субстантивата и нечленного предикатива.
- Окончательно формирование категории имени прилагательного происходит тогда, когда характеризующие отыменные формы начинают активно использоваться не только в качестве приименных, но и в качестве приглагольных определителей.
- Синкретичные характеризующие имена на начальном этапе были базой и для формирования некоторых групп отыменных приглагольных определителей. Характеризующие формы с мягкой основой, формы на -ъ и на -о являются сменяющими друг друга специализированными образованиями с разной степенью семантико-грамматической зависимости от (полу)предикативного центра синтагмы и с разной степенью формально-грамматической и словообразовательной определенности.
- Важнейшее значение в становлении исследуемых категорий сыграли славяно-книжные тексты, где в процессе перестройки грамматических связей внутри синтагмы происходили выработка, от-

бор и кодификация средств для выражения понятия о признаке как особой семантической категории.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, перечня источников и словарей и трех приложений.

Содержание работы.

Во введении раскрывается тема исследования, определяются цели и задачи работы, дается обоснование выбора основных источников и их характеристика, сообщается об основных методах исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сообщаются сведения об апробации диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту.

Кроме того, во введении приводятся сведения о степени разработанности вопроса о семантической и категориальной синкрете, о существующих взглядах на богослужебные тексты как источник для исследования проблем истории русского языка, приводятся необходимые первичные доказательства ценности древнейших служебных миней для изучения графики, орфографии и фонетики древнерусского языка.

В первой главе "Первичное нерасчлененное имя как категориальная синкрета" обосновано существование в исторический период развития русского языка первичного нерасчлененного имени – категориальной синкреты. Исходной категорией для определительных имен в древнерусском языке следует считать первичное нерасчлененное имя, выполнявшее в синтагме различные синтаксические функции. И в абсолютном употреблении, и как компонент составного наименования синкретичное имя имело субстанционально-характеризующие свойства. Помимо семантического синкретизма, такое имя характеризовалось и синкретизмом категориальным.

I. Категориальная (грамматическая) синкрета – это ряд словоформ, объединенных 1) смыслом, конкретизация которого при необходимости происходит в синтагме, и 2) морфологической недифференцированностью с точки зрения частеречной характеристики. Грамматические признаки словоформ-синкрет вытекают в первую очередь из их функционально-позиционной роли в синтагме. Иначе говоря, первичное нерасчлененное имя следует признать а) семантической синкретой, функционирующей в синтагме в форме, достаточно определенной с точки зрения отношений с другими членами синтагмы, б) синкретичным словом, имеющим в зависимости от роли в синтагме различные функциональные формы, которые следует квалифицировать как грамматические, категориальные омонимы.

II. В старославянских и древнерусских письменных памятниках функционирует ряд грамматических форм, которые проявляют свою архаичную синкретичную природу – притяжательные имена, характеризующие имена в звательной форме, многие суффиксальные отыменные образования.

Особенностью категориальной семантики характеризующих вокативов типа благене, ска те, прѣславне является то, что они как в независимом употреблении, так и в соположении с другими именами обозначают не только и не столько признак, сколько представление о субстанции в единстве ее характеристик, свойств и качеств: твоюжъ крѣвнѣжъ земаля оѣтиса блѣжене · твоимъи ранами оуцѣзвѣса бѣсънѣнъ съставъ · бѣмоудре достославне ПМ 48 л., капла нзанама тѣи прѣнзѣице · слазани рѣкѣи · исхши крѣтнѣустко · прѣбне · ПМ 94 л.; ср. также, с одной стороны: мѣнѣе прѣмаре ПМ 130 об., стѣпѣе прѣхвальне ПМ 133 об., блѣжене прѣдѣе ПМ 106 л., с другой – бѣгласе · алеѣхандре стѣрпѣе ПМ 57 об.; бѣносьѣе ѡѣе стѣлю кѣпифанне ПМ 56 л. Различие между существительными и звательными формами “имен прилагательных” заключается лишь в наличии у лексем специализированных именных аффиксов, указывающих современному исследователю на частеречную характеристику слова.

В пределах именного сочетания и в соположении с личными местоимениями такие образования сохраняют свой семантико-грамматический синкретизм (субстанционально-характеризующую семантику), о чем можно судить по их регулярной и последовательно проведенной в древнейших текстах синтаксической и семантико-понятийной самостоятельности, по соединению их сочинительным союзом *и* с существительным в пределах одной синтагмы, по наличию междометия *о* перед вокативом, по разночтениям в текстах XI–XIII вв.: на недвижнѣмѣ хѣ камене · заповѣди ти црѣкѣ свою оутѣран · еднѣнъи блѣже и уѣвколюѣе МД 14 л.; подвижно възнде · жѣзъ пѣтънѣхъ о прѣблене · яко кѣнѣи прѣдѣстатель · ПМ 32 об.; прѣмѣи бѣносьѣе и стѣ · малонѣ похвалѣнне · ПМ 59 об., но: прѣмѣи бѣносьѣе оѣе · малонѣ похвалѣнне · М13 16 об.

Основаниями существовавшего грамматического параллелизма являются 1) происхождение имен прилагательных из нерасчлененного имени; 2) отсутствие в праславянском языке специализированных адъективных суффиксов в сфере имен; 3) семантика и синтаксическая функция суффиксальных образований типа ратѣнъ, указывающие на

их предметность (ср., например, дефиницию и грамматическую характеристику этого слова в [ССС, 580]); 4) существование предложений именного типа, в которых сопологаемыми членами могли быть любые имена – как непроеводные, так и проиеводные (отыменные и отглагольные); 5) существование синонимических отношений между **благъ** – **благенъ** – **благьнъ**, **безоумь** – **безоумьнъ** – **безоумьць**; 6) дальнейшая история именных форм, которые на этапе появления у них члена еще могли оставаться грамматической синкретой, а частеречные характеристики получали лишь в контексте.

Степень характеристичности и субстанциональности первичных синкрет в древнем славянском тексте определяется семантикой синтагмы (фразы), классом обозначаемых объектов (представлений), значением и разрядом сопологаемого имени существительного. Так, 1) образования непроеводные и утратившие соотнесенность с производящими словами последовательно употребляются в качестве независимых, статусных наименований (в ПМ среди них: **благенъ**, **свѣтъ**, **прѣподокънъ**, **мждаръ** и др.; ср. наличие пометы *в знач. сущ.* в статьях этих лексем, например, в [ССС]), слова производные – в качестве зависимых (**прѣхвальнъ**, **богопрѣнѣтънъ**, **вельгласнъ**, **мъногострастнъ** и др.); 2) первые, способные по своей семантике обозначать совокупность однородных по своим признакам предметов (в нашем случае – лиц и сверхлиц), используются независимо (или, как показывает материал, в препозиции к другому имени) и тем самым проявляют свою субстанциональную природу; вторые, семантика которых затрудняет обобщение на уровне предметов (лиц), используются в приименной позиции; 3) по отношению к сопологаемым собственным (**ноанъ**) и личным существительным (**отъць**, **апостолъ**) вокатив нехарактеризующего, статусного синкретичного имени выступает в качестве родового наименования в препозиции к собственным именам существительным – **благенъ** **ноанъ** и в качестве атрибута в постпозиции к нарицательным – **отъуе** **благенъ**, а характеризующий производный вокатив по отношению к словам типа **отъць** употребляется и в пост- и в препозиции, выполняя функцию атрибута: **прѣблагенъ** **отъуе** и **отъуе** **прѣблагенъ**; 4) по отношению к производным типа **страстотръпць** характеризующая звательная форма выступает всегда в постпозиции, обозначая признак, подчиняясь частеречной определенности существительных: **страстотръпць** **прѣблагенъ**.

О субстанциональности звательных форм в древнерусских служебных минеях свидетельствует их активизация в период XII–XIII вв.

(см. табл. 1) на фоне снижения употребительности имен существительных в звательной форме (см. табл. 2), что объясняется однофункциональностью и категориальной аналогичностью этих двух групп образований.

Таблица 1

Количество звательных определительных форм

Абсолютные и относительные величины	ПМ		МД		М12		М13		М14	
Количество слов абсолютное	44	—	24	—	35	—	42	—	47	—
Количество употреблений абсолютное	—	405	—	63	—	311	—	368	—	363
% от всех слов (форм) в тексте	1,11	1,72	2,03	1,92	1,15	2,02	1,24	2	1,17	1,42

Таблица 2

Количество существительных в звательной форме на -е

Абсолютные и относительные величины	ПМ		МД		М12		М13		М14	
Количество слов абсолютное	114	—	23	—	57	—	91	—	104	—
Количество употреблений абсолютное	—	758	—	87	—	401	—	577	—	622
% от всех слов (форм) в тексте	2,87	3,22	1,94	2,66	1,87	2,60	2,69	3,14	2,59	2,43

III. Достаточно ярко на начальном этапе развития славянской письменности проявляется субстанциональность притяжательных образований, которые в качестве приложения к имени существительному выполняют функцию названия предмета, но не характеристики, не признака.

Известно, что в древнерусских переводных текстах притяжательные формы используются в соответствии с родительным принадлежностью греческого оригинала, ср.: и на поуть исправн · воли бжнн оума моего · ПМ 184 об., и направи · волею бжнню · оума моего

М13 115 об., но: καὶ εἰς ὁδὸν κατεύθυνον * τῶν θελημάτων Χριστοῦ * τοῦ νοός μου, МГр с. 184².

Функциональная близость формы в родительном падеже и формы с притяжательным суффиксом может быть понята как грамматическая аналогичность и даже тождественность этих двух форм для древнего славянского книжника: притяжательная форма, оставаясь даже на этапе суффиксального образования синкретичным именем, имеющим значение субстанции благодаря незатемненности семантики основы и недифференцированности грамматического значения морфемы, была еще в письменный период во многом субстанциональным образованием, ср. слагоу дѣвѣною оуѣвѣса · побѣди пѣкы вражнихъ · артемонѣ доблнн · М12 3 об. Притяжательное образование вследствие своей исходной синкретичности, в которой неразрывны представления о предмете (в данном случае – о группе лиц) и его признаках, и по функции (что понятно), и по своему отношению к обозначаемому было близко к существительному в нашем понимании. Именно синкретичность притяжательных форм, в которых наиболее отчетливо среди всех производных имен представление о качестве субстанции по сути совпадает с представлением о самом носителе признака, позволяла переводчикам использовать производное в качестве эквивалента родительному принадлежности греческого. По мере развития атрибутивности у суффиксальных производных в языке в целом и, как следствие, отдаления их от греческого эквивалентного существительного все актуальнее становится необходимость приблизить слово к греческому оригиналу, поэтому все чаще в славянских текстах используется (возможно, восстанавливается по греческому образцу) родительный принадлежности.

IV. Свидетельством существования в прошлом славянских языков недифференцированных с точки зрения грамматической принадлежности форм являются образования с суффиксом -ьн-. В служебных минеях существуют яркие примеры, которые однозначно свидетельствуют о грамматической тождественности образований на -ьн- и имен существительных: при ногоу ти · паде валѣмѣ ѡсѣрнѣскыи црь · говѣти оубо дѣтели въсть ѡ ратьныи · въсь же паде въ домоу въ тѣмъ же поучиваѣтъ · ПМ 54 л.; в М12 находим контекст, в котором ряд однородных компонентов фразы, выраженных

² Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Ἀκολουθαί Μαΐου καὶ Ἰουνίου. Ἐν Ῥώμῃ, 1899. Τ. Ε'. Σ. 3-208.

только именами существительными, завершается формой равнѡустьнѣ: свѣѣнкѣ свѣѣнкѣ · страдальцѣ законнѣ · оужнка зѣжнтѣлю истиннѣ · ѹдѡткорѣцѣ достославнѣ · свѣтло пресвѣтло · блѡудѣщнмѣ вожѣ · соѹмеонѣ ави тѣ са · стѣзнѣ недвижнмѣ · ѹстънѣн црѣкви · н вѣшнѣнемоу црѣсткоу наслѣдннкѣ · н анѣломѣ · равнѡустьнѣ M12 40 об.

Таким образом, следует признать, что в богослужебных текстах, в частности в служебных минеях, в древнерусский период функционируют слова особой категории – семантико-грамматические синкреты.

Во второй главе “Формирование категорий субстантивата и имени прилагательного в русском языке” раскрывается механизм становления субстантивата, имени прилагательного и предикатива.

Специальным средством семантической, синтагматической и грамматической дифференциации имен выступает член *jь, который присоединяется к синкретичному имени, выделяя его в ряду имен-синкрет. Постепенно член становится средством формализации отношений между компонентами сочетания, средством выражения и их семантического единства, и роли каждого в сочетании. Член является грамматическим актуализатором отношений.

В XII–XIV вв. в гимнографических текстах происходит неуклонное увеличение относительного количества употреблений членных форм и уменьшение именных (см. рис. 1).

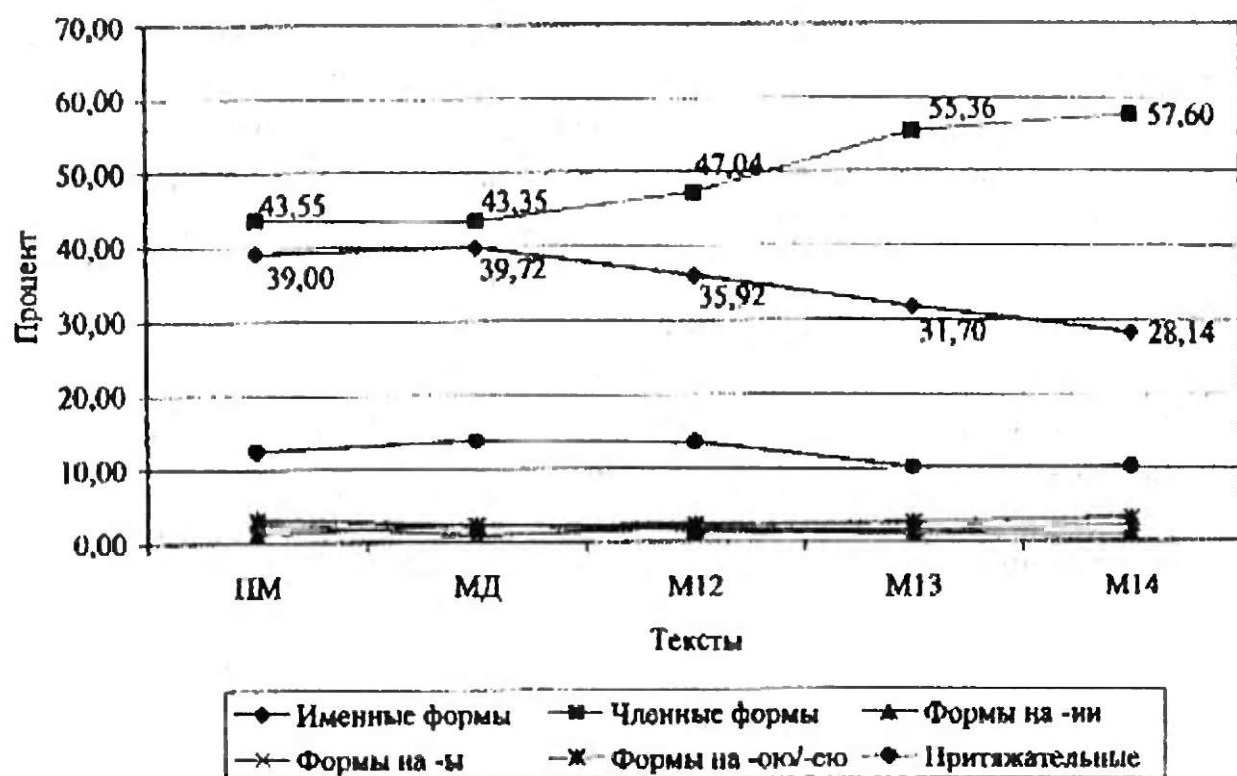

Рис. 1. Соотношение именных и членных форм относительного количества употреблений членных форм и уменьшение именных (см. рис. 1).

Важно отметить, что относительное количество употреблений характеризующих слов (прилагательных, причастий, субстантиватов) во всех текстах одинаково: ПМ – 26,03 % от всех употреблений в тексте, МД – 26,83 %, М12 – 24,68 %, М13 – 26,30 %, М14 – 25,81 %.

Использование в поздних рукописях членного образования в соответствии с именной формой в ранних не может быть объяснено влиянием греческого оригинала. Доказательства этого многочисленны:

кръвнѹ нскоуѣнстѣ · црѣствнѣ блѣнн · бжѣнне
непоколѣблѣмо · ПМ 81 об., но: крѣвѣмн нскоуѣнстѣ · црѣство
блѣженнн · бжѣнне недвижнмоу · М13 50 л., ср.: Αἰσασι ὠνήσαοθε *
τὴν βασιλείαν, Μακάριοι, * τοῦ Θεοῦ τὴν ἀσάλευτον МГр с. 118;

нзбавн · люта осужденнѣ · своѣго снѣ непрѣстаньно ·
помолѣши за мѣ ПМ 123 л., но: нзбавн · лютааго осужденнѣ ·
своѣго снѣ непрѣстан молаши М13 113 об., ср.: ῥῶσαι δεινῆς
κατακρίσεως * τὸν σὸν Ὑῖον МГр с. 182.;

а также: οἱ παράνομοι ἀδίκως δεσποῦσαι МГр 148, но: беззаконьнн
неправѣдно свѣзѣжѣтъ ПМ 90 об. – беззаконьнѣнн неправѣдно
свѣзѣжѣтъ М13 78 л.

В древнерусский период членная форма остается семантической и категориальной синкретой. Членность не сразу стала грамматическим показателем прилагательного. Членная форма достаточно долго – и с точки зрения категориального статуса, и по семантике – сохраняла синкретичность и тем самым проявляла свои субстантивно-характеризующие свойства. Синкретизм все более определенно выступает как омонимия членных форм с активно развивающейся категориальной определенностью омонимов – субстантивата и адъектива. Сложность перехода от затухающего синкретизма к омонимии членных форм проявляется в отношениях между функцией и грамматическим статусом одиночных наименований и одноосновных им имен в составе аналитического наименования. В последнем случае членная форма по отношению к другому имени используется и в пре-, и в постпозиции. Формально-грамматическая связь продолжает определяться отношением между семантикой компонентов и контекстуально-функциональной нагрузкой образования.

На начальном этапе субстанциональность членных форм во многом превалировала. Их субстанциональная семантика – способность обозначать объекты, обладающие неким свойством, характеристикой, – проявлялась как при их независимом употреблении, так и в сочетании с другими именами. Об этом свидетельствует, в частности, боль-

шое количество членных субстантиватов в абсолютном употреблении в текстах миней: оруженемь оумьнымь · феодре грѣховныхъ плакы · ты прѣсекъ М12 20 л., моужьскою дшєю · н снльною колею · безаконныхъ шатаннѣ · раздароушиша · М13 52 об. — 53 л.; стадо гона къ блгоутвѣн сладости прѣдбне неутвѣхъ шгналъ кси жезломъ бжннмъ оучениемъ си М14 5 л.; роудоу грѣховъ · сквьрьннюу нщнстнвзши · дшн моен · боневѣстнаа · своимн млтвamn · уѣта ма бѣи прѣдзставі М12 4 л.; дѣва мтн отроковнцѣ ПМ 41 л.; възлюбивъ прѣдбне · гнѣю ннцетоу ксю · земныхъ н временныхъ авъ · нерожь феодре · М12 20 л. и др. В ряде случаев в одном тексте используется большое количество членных образований в независимом употреблении, и без признания их субстантиватами понять текст невозможно: нсоуши кальныхъ потоки безкожныхъ · словесномъ си огньмъ · зарныхъ нстоуи · рѣкы вѣрныхъ · н бѣразоумныхъ · вѣрныхъ · артемонѣ премоудре М12 4 л. В связи со сказанным становятся понятными разночтения ‘существительное — субстантиват’: не поклоннстеса коумнромъ · стрѣц[sic! — В.Б.] славьни ПМ 79 об., но: не поклоннстеса · нстоуканьнымъ страстотрѣпцн славьни М13 59 об. ‘словосочетание — субстантиват’: плаѣти оудобннемъ · родила кси бѣе · недооумѣаемааго · н ненсѣдована га ПМ 90 об., но: плаѣтню оудобннемъ · родила · кси бѣе · недооумѣааго ненсѣ<ѣ>доканааго М13 77 об., а также конструкции с однородными существительными и субстантиватами: свѣтороднтельннцѣ дѣо · съ бесплаѣтньымн аныгелы · н аплѣти н прѣркы · н скѣркы · стрѣцн же н прѣпоенымн вѣсьмн · едного · прѣстго бѣ · молнса да нзбавнть · дша наша · М12 40 л.

Постпозиция для характеризующих форм оказывается чрезвычайно значимой во многих отношениях: 1) от века к веку здесь наблюдается бóльшая, чем в препозиции, активизация членных форм (ср. рис. 2 и 3), 2) проявляются существенные различия в функционировании отыменных и отглагольных образований (типа нстоуивъ, рождьши) при наименованиях лиц (последние менее “привязаны” к постпозиции и часто используются в качестве полупредикативного компонента синтагмы), 3) к постпозиции тяготеют архаичные с точки зрения сохранения исходного синкретизма звательные формы (ср. рис. 2 и 3), 4) в составе апеллятивных наименований употребляются формы, синонимичные родительному принадлежности, а само такое наименова-

ние с конкретным определяемым существительным оказывается с точки зрения семантики принципиально иным, чем наименование с абстрактным существительным с членной формой в препозиции.

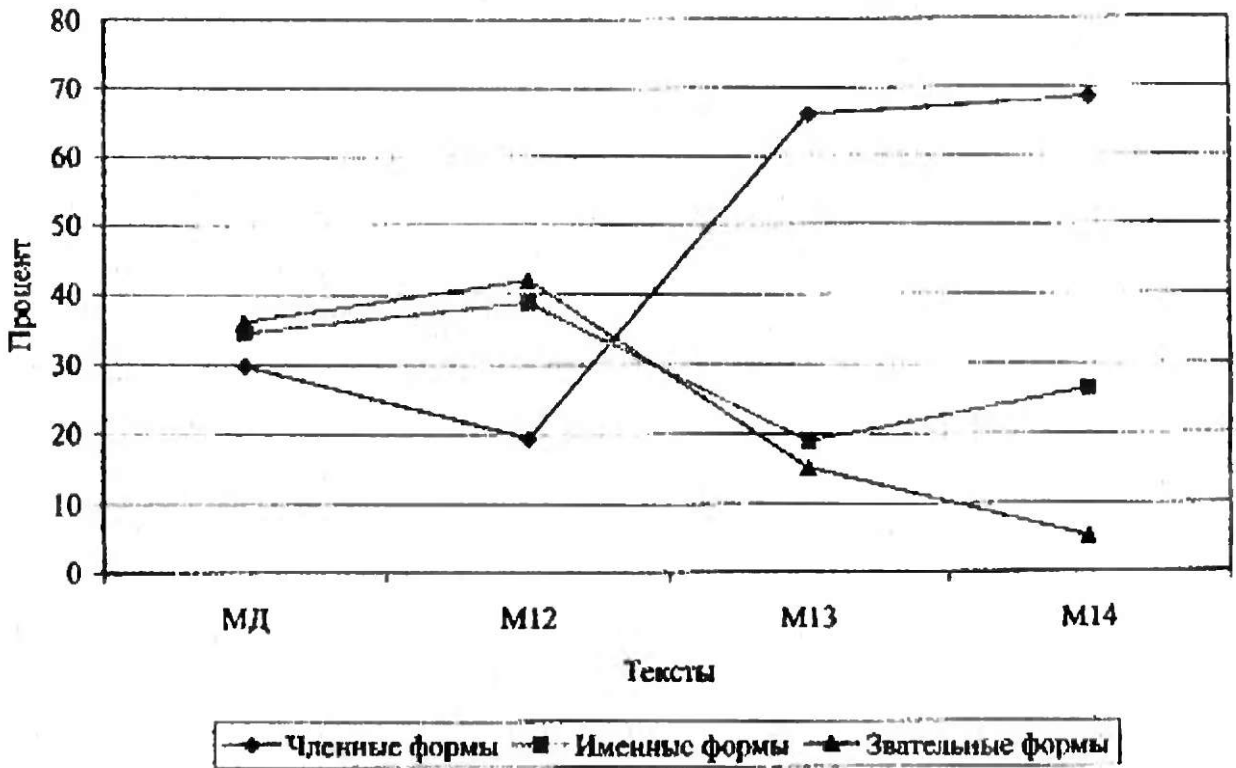

Рис. 2. Соотношение форм в постпозиции при личных именах

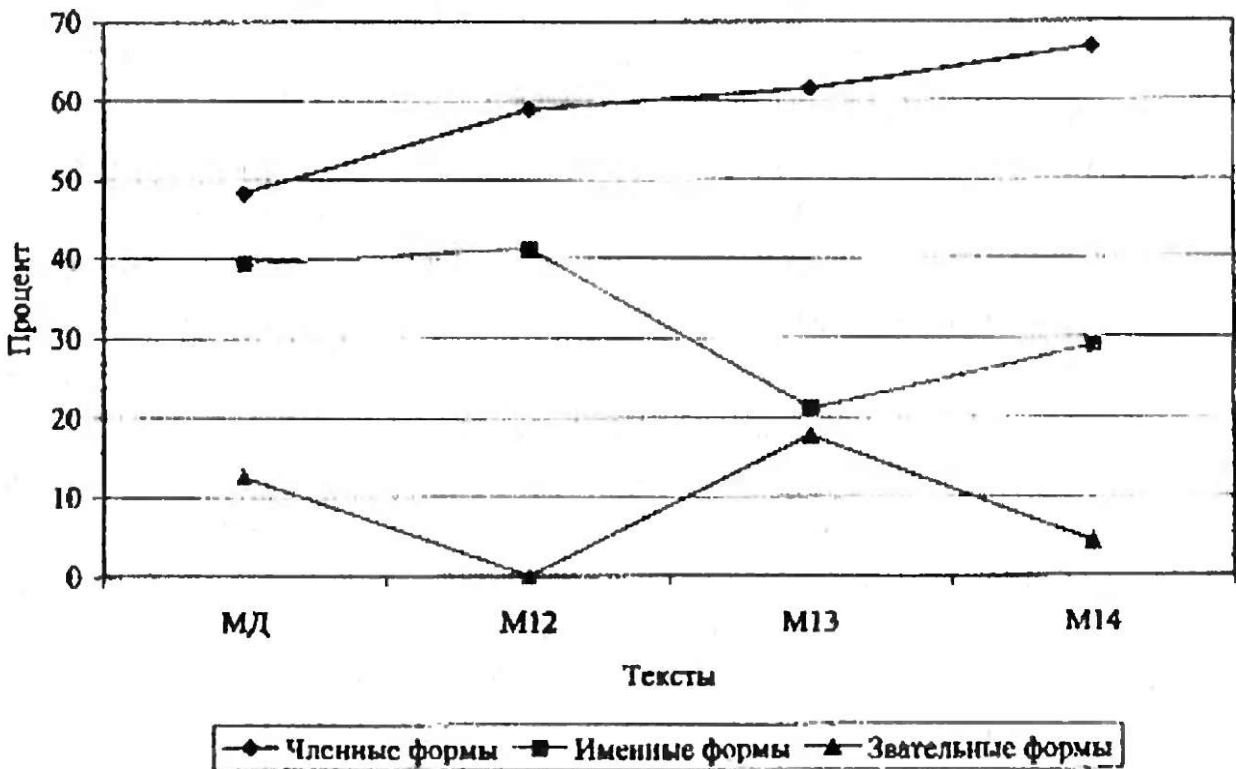

Рис. 3. Соотношение форм в препозиции при личных именах

Последнему факту уделено особое внимание.

Большая часть разночтений 'именная форма + неличное имя существительное — членная форма + неличное имя существительное' меж-

ду ПМ и М13 представляет собой примеры типа прѣта срѣца —
чнстаго срѣца, прѣсвѣтлоу каплю — прѣсвѣтлою каплю,
страшномъ оруженѣмъ — страшнымъ оруженнмъ, где препо-
зитивная характеризующая форма и имя существительное составляют
цельное, аналитическое наименование, в котором семантика опреде-
лительного слова не противопоставляет субстанцию другим, не выде-
ляет ее из ряда однородных, а скорее эксплицирует присущее ей свой-
ство.

Разночтения 'неличное имя существительное + именная форма — неличное имя существительное + членная форма' представляют иной корпус примеров; они чаще синонимичны по своей семантике сочетаниям 'существительное + родительный принадлежности', в них на первом месте находится конкретное имя существительное, ср.: **вз образъ а҃н҃гаскѣ — вз образъ а҃н҃гальскын, нѣнстовьство ндольско — нѣнстовьство ндольское, пѣть мѹнѹскѣ — поутѣ мѹнѹскын, нз мрака грѣховьна — нз мрака грѣховьнаго, въ цр҃кви бж҃и — къ цр҃кви бж҃ни**, ср. также: **кнвотѣ бж҃и** (ПМ 87 л.) — **кнвотѣ бж҃ни** (М13 53 л.), в МГр существительное в родительном с членом — **τὴν κιβωτὸν τοῦ Θεοῦ** (с. 121).

Наличие именно в постпозиции форм типа **аиҥаьскын**, синонимичных родительному принадлежности, активизация членных форм при словах, которые обозначают объекты, ассоциирующиеся у носителей языка с конкретными предметами, свидетельствуют об аналогичности семантической нагрузки таких составных наименований. Если составное наименование, в котором членная форма в препозиции к существительному является компонентом цельного абстрактного наименования, где дискретность признаков денотата слабо, а то и никак не обозначена, а следовательно, и характеризующая форма является скорее не классифицирующим предмет словом, а его непосредственной, часто непротивопоставленной характеристикой (примеры типа **прѣскѣтъла капля**, **сѣа ток житиѣ**), то составное наименование, в котором членная форма находится в постпозиции, имеет другую семантическую нагрузку: оно выделяет предмет, объект из ряда других по одному из имеющихся или приписываемых ему признаков. Именно в этом наименования типа **образъ аиҥаьскын** и **кнѣотъ ѣжи(и)** аналогичны друг другу.

Таким образом, не вызывает сомнений, что для составного наименования постпозиция, будучи генетически позицией, связанной с функционированием логического предиката, выраженного нечленным синкретичным именем, оказывается тем положением, где в древнерус-

ском языке наблюдаются явления, демонстрирующие скорее субстанциональный характер форм, чем адъективный: 1) в этой позиции на смену нечленным синкретичным звательным формам приходят членные субстантиваты, 2) в этой позиции при личных именах нечленные формы заменяются в более поздних текстах на членные, а 3) одноосновные членные формы в независимой позиции используются для наименования лица или группы лиц, представляя оформившуюся словообразовательную модель субстантиватов.

Субстанциональность членных форм в постпозиции не только сохраняется в исторический период в виде остаточных форм, но и поддерживается существующей и все более усиливающейся категориальной дифференциацией с развивающей предикативные свойства нечленной постпозитивной формой.

Функционирование недифференцированных в категориальном отношении суффиксальных и членных производных в составе аналитических наименований приводит к появлению разнообразных синтагматических связей, в которых имена с первичными суффиксами или членом все более осознаются не только как семантически, но и как грамматически зависимые; а суффикс и/или член становятся грамматическими показателями атрибута.

По мере грамматикализации атрибутивных отношений в словосочетании само восприятие признака, выраженного членной формой, становится все более двойственным по сути: с одной стороны, признак является неотъемлемым свойством понятия, выраженного сочетанием, и само понятие не может быть выражено иначе, чем через сочетание данных имен в их контекстуальном семантическом наполнении, с другой стороны, признак становится все более независимым и абстрактным понятием, так как синтагматически в качестве семантического, языкового знака может быть членом другого наименования.

Абстрагированию признака способствует также омонимия членных атрибутивных имен и членных независимых наименований; последние именуют совокупность однородных по каким-либо свойствам, характеристикам понятий. Атрибутивность зависимых членных форм, соотносимых с абстрактным признаком, осознается в соотношении с субстанциональностью независимых членных форм. Составляющие таких омонимичных пар находятся в сложном понятийном, синтагматическом и парадигматическом соотношении.

Другой причиной, влияющей на осознание членной зависимой формы как грамматического атрибута, является функционирование одноосновной нечленной формы, которая, будучи именем-синкретой в

составном наименовании, по мере усиления глагольности предложения-фразы грамматикализуется в качестве предиката-сказуемого. И в том, и в другом случае нечленная форма сохраняет свою семантическую и грамматическую независимость, характеризуя главное слово посредством приписываемых, временных, сопологаемых свойств. Именно постпозиция нечленного предиката соответствует как функционально-семантическому характеру определения, так и рематематическому порядку развертывания высказывания — от известного к новому.

По мере формирования понятия о признаке как независимом от субстанции компоненте синтагмы формируется и особая категория именных предикатов (предикативов), которые, в отличие от членных атрибутивных определителей, продолжают мыслиться как сопологаемые имена, как собственно наименование характеристик, как свойство само по себе. Ср. замену препозитивного предикативного членного имени в М13: цѣлительъ пѣти же и дѣша · кѡбразънънѣ тѣ бѣхъ убо · мръмьннкомъ си · страстьное сзѡубнѣ · оустрьмленнѣ · нцѣли дѣша мудрость невѣрнѣж · (51 л.) — цѣлительъ пѣти же и дѣши · кѡобразънѣ съ нѣсе · дѣмь · мръмьннкъмь · страстьное сзѡубнѣ стрьмленнѣ · нцѣли дѣша · невѣрно н сьмыслъ · (4 л.).

Таким образом, дифференциация нечленной синкреты на имя существительное (благо), членное имя прилагательное (благое дѣло), субстантиват (благое) и нечленный предикатив (благъ еси) обусловлена взаимодействием разнородных факторов логико-понятийного, лексико-семантического, формально-грамматического, синтагматического, словообразовательного характера. Выявление роли каждого из них в ходе специальных исследований позволяет по-новому подойти к объяснению спорных вопросов в области парадигматики и синтагматики определительных имен в современном русском языке.

В третьей главе "Развитие приглагольных определителей как свидетельство формирования специализированных лексико-грамматических классов слов-атрибутов" представлены доказательства причинно-следственной связи между окончательным формированием в древнерусском языке имени прилагательного как специализированного класса приименных определителей и все более активизирующейся категорией определительных наречий.

I. По мере становления прилагательного как части речи в процессе закрепления регулярного противопоставления членных форм нечленным как атрибутов предикатам семантическое отдаление прилагательного как признакового имени от существительного и субстантивата как субстанциональных имен все более возрастает. Свою роль при этом играет "окачествование" все большего количества членных образований, у которых общеграмматическое значение отношения постепенно стирается.

Оформление понятия о свойстве, характеристике с помощью особой грамматической категории признакового имени является основой для еще большего обособления признака от субстанции, что проявляется сначала во все более активно устанавливающихся связях характеризующего имени определенной формы (образования на -о) с глагольными и отглагольными формами на уровне текста, в синтагме, а затем и в категориальном переходе таких образований в разряд прирывающих имен.

Об этом свидетельствует, например, значительное увеличение в период XI–XIV вв. числа приглагольных определителей на -о в гимнографических рукописях. Так, относительное количество употреблений определительных наречий в одном и том же тексте майской минеи, представленной ПМ и М13, увеличивается с 1,69 % до 2,44 % от всех словоупотреблений в рукописях, а относительное количество наречных лексем с 2,87 % до 4,94 % от всех слов. Не менее показательным является рост форм на -о на фоне омонимичных прилагательных и субстантиватов, см. рис. 4.

II. Механизм увеличения количества приглагольных форм на -о в разновременных рукописях, содержащих один текст, заключается в замене нечленной или членной формы приименного определителя на форму на -о, которая в силу своей семантики становится определителем предикативного или полупредикативного центра синтагмы, ср.: в'сь приложнѣ тѣ вѣцѣ · ꙗгоже законъ устьѣнъ · неврѣднѣ тѣ сѣблюде · ПМ 107 л. — в'сь приложнѣ вѣдѣцѣ · ꙗгоже законъ · устьѣнъ · неврѣднѣмо сѣблюде М13 101 л.

Анализ разночтений показал, что подобные замены происходят без влияния греческого оригинала, ср.: сѣаго жєлѣша сѣвѣше · прѣлѣженє гласа · ПМ 90 л. — сѣ · оуслѣшавѣше · (прѣ)блѣженє · гласъ · М13 77 л., но: ἱεροῦ ἐλαχίκοας * ἀνωθεν, παρθακαρ, φωνῆς МГр 147; и вѣрнѣмъ срѣца освѣтн · бл҃гоуствѣно уѣтоуѣннѣмъ · прѣустьѣноуѣмъ тѣю ꙗ · ꙗрмѣ мѣнѣ ПМ 134 л. — и вѣрнѣмъ срѣца просвѣтнѣ · бл҃го · уствѣно уѣтоуѣннѣмъ

πρὸς τὴν твою память M13 126 об., но: καὶ τῶν πιστῶν * τὰς καρδίας * ἐφώτισας, τῶν εὐσεβῶς σου, τιμῶντων τὸ ἱερόν * καὶ σεβασμῶν μνημόσυνον. MГр с. 193.

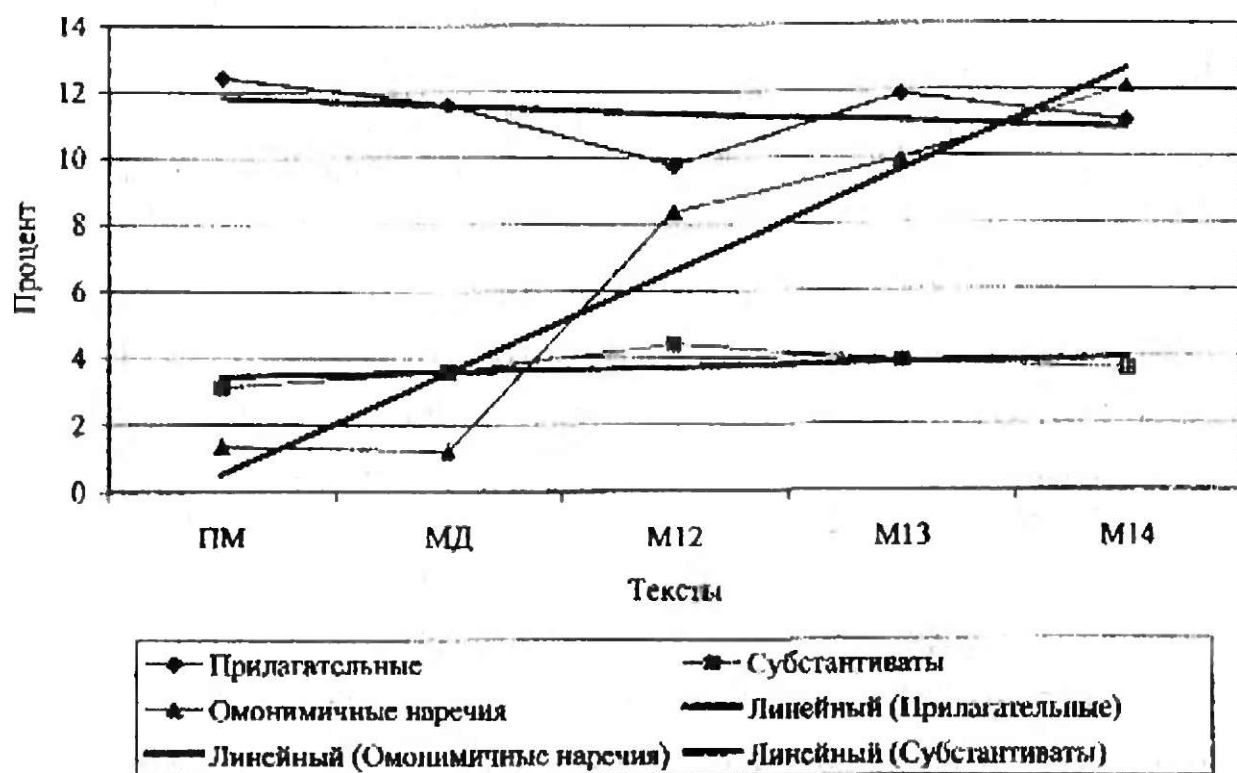

Рис. 4. Соотношение омонимичных прилагательных, субстантиватов и наречий

Основной причиной появления в поздних текстах формы на -ο в подобных случаях является контактное расположение характеризующего слова с глаголом или отглагольной формой, ср.: устьеноу · твораште ти твою страсти поученики ПМ 59 об. – устьено творяще ти · твоиа състрасти поучитани М13 16 об. Сказанное доказывают и обратные мены 'наречие – приименное определение', ср.: прѣсно слова безначальна · проповѣда · ПМ 123 л. – прѣдобна слова безначальна проповѣда · М13 113 об., в греческом наречие: ὁσίως Λόγον τὸν ἄναρχον * ἡρώτων MГр 182.

Увеличение количества собственно наречий в тексте и языке в целом свидетельствует об окончательно сформировавшемся лексико-грамматическом классе имен прилагательных, обозначающих понятие о независимом от субстанции признаке.

Результатом этого процесса стало:

1. Все более частое использование в текстах конструкций с несколькими приименными определителями, ср. показательные разночтения: пѣсни всенощныи свъръща · крѣпъко ПМ 94 об., но:

пѣсннъ вѣсѣуѣстѣнѣи · нощѣнѣи · сѣврѣшамъ · крѣпѣкѣи М13 83 об.; и црїю · вѣроу простослав'ноу · теплоу жтѣрѣднѣи єсть ПМ 106 л., то же в греч.: καὶ Βασίλει, * πίστιν τὴν ὀρθόδοξον * θεομῶς κρατύνοντι МГр с. 163, но: црїю · вѣроу · разлнѣноу · простославѣноу · теплоу оутѣрѣднѣи єсть М13 84 л.

2. Приоритетное употребление наречия при переводе предложно-падежного сочетания или падежной формы греческого оригинала, ср.: πάντες * ἐν ἀγαλλίασει * νῦν μακαλίσωμεν, πιστοὶ * МГр 118, в'си сѣ радостноу вѣрѣннѣи нѣиѣ бл҃жнѣи · ПМ 81 об., но: вѣсн радостноу нѣиѣ бл҃жнѣи · вѣрѣннѣи · М13 50 об.; ὅθεν ἐν αἰνέσει * ἄξιως σε ὑμνοῦμεν МГр с. 196, тѣмъ хвалоу достоноу тѣ поѣмѣ ПМ 133 л., но: тѣмъ хвалоу достоноу тѣ поѣмѣ М13 131 л.

3. Использование наречий в соответствии со звательными характеризующими формами предшествующего периода, ср.: Ἡ γῆ μὲν, * Μάρτυς, τῇ ταφῇ, * οὐρανὸς δὲ τῇ ψυχῇ καθυγιάσται * τῇ σῇ, Θεόπνευστε * МГр с. 150, зѣло землѣи гробомъ · нѣо же дѣшеи остѣнстѣи твоеи бѣдѣх'новене · ПМ 92 л., но: землѣи оуко моуѣннѣи · погребеннѣи · нѣо же дѣшею стѣнстѣи · твоею бѣдѣх'новене · М13 80 об.

4. Появление у отыменных прилагательных, например с суффиксом -к-, вторичной соотнесенности с глаголами, а также активное образование наречий от отглагольных прилагательных на -ив-, -лив-, в семантике которых важно качество-состояние и в меньшей степени соотносительность. Именно такие прилагательные, как и “качественные”, утратившие первичную соотносительность с мотивирующими именами, наиболее активно ведут себя как производящие для наречий – *резко, лестно, хлопотливо* и проч.

Все названные факты являются безусловными критериями, по которым можно судить о разрыве первичного понятийного единства синкретичного имени-признака и имени-субстанции, где функция каждого определяется в первую очередь семантически, и о “переходе” уже прилагательного в категорию семантически независимого, свободного в своих синтаксических связей слова. Чем дальше от имени, тем ближе данные формы и в словообразовательном (например, вторичная соотнесенность с глагольными основами), и в синтаксическом (например, возможность причастий выступать в качестве однородных к глагольным формам), и в функциональном отношении к глаголу

(например, грамматическая зависимость от глагола в синтагме, появление неизменяемых форм – наречий и деепричастий).

Все сказанное указывает на значительные изменения, произошедшие в древнерусской языковой системе в период от создания ранней ПМ до XIV века. Эти изменения касаются позиционной дифференциации и последующей грамматикализации определительных форм, находящихся в приименной и приглагольной позициях. Первые стали осознаваться как прилагательные, вторые – как наречия. Если процесс формирования прилагательных как особого лексико-грамматического класса в начальный период существования древнерусской письменности подходит к концу, то формирование широкого класса наречий, соотносимых с именами, только набирает свою силу. Немаловажную роль в активизации этого процесса сыграло то обстоятельство, что семантическая, грамматическая и словообразовательная база для этого была сформирована – это огромное количество форм, обозначающих признак как таковой, в его отрыве от субстанции. Синкретизм нерасчлененного имени уступил место сначала функциональной дифференциации форм – членов синтагмы, а затем грамматической определенности лексем – субстантивата, прилагательного, наречия.

III. В работе показано, что членные прилагательные и определительные наречия на -о являются закономерным результатом процесса поиска специализированных морфологизованных средств выражения приименного и приглагольного определений в русском языке. Они пришли на смену достаточно продуктивным в предшествующие периоды характеризующим формам 1) *прѣпростѣ, оудобѣ, свободѣ, соугоуѣ, разлнѣ*, 2) *срьднѣ, древлнѣ, оутрьнѣ* и 3) наречиям на -ѣ.

Категориальная квалификация форм первой группы в словарях и теоретических работах различна: они признаются и прилагательными, и наречиями, и существительными, ср.: *испльнн* (! в.м. -нѣ) и *жнтннскыѣ · і нѣскыѣ благъ бывъша*, в [ССС, 267] – несклоняемое прилагательное, но: *да веселнн испльнѣ бывъ* МД 10об. 3, в [СИХІ–ХІІ, 1, 317]³ – наречие; “*свободѣ прил. нескл. <...> свободѣ* [sic! – В.Б.] *сжть снѣе* Мт 17, 26 Ас (*свободѣнн* Мар...)... в знач. *суц.*: *вожвода рече робѣ ли кси нан свободѣ · савннѣ глагола ·*

³ Словарь-индекс русской редакции древнеболгарского языка конца XI–начала XII в.: В 3 т. / Под ред. Имре Х. Тота. – Т. I, А–И. Сегед, 1989, 338 с.; Т. II, К–О. Сегед, 1992, 246 с.; Т. III, ч. 1, П–С. Сегед, 1993; Т. III, ч. 2, С–до конца. – Сегед, 1995. – 511 с.

свободы нѣмь Супр 147, 10 и 11...» [ССС, 594]; ср. также известный текст — предложн всѣ книги исполнь ш(т) грѣчьска яззыка въ словѣнскѣ · в · ю мѣцѣ. Пов. вр. л. 6406 г. ([Срезн, 1, 2, 1139] — наречие), где исполнь также сохраняет применную зависимость — ср., например, н възаша нзбытъкы оукроухъ · кѣ · коша нсплзнь. Мф. XIV. 20 Остр. ев. [Срезн, 1, 2, 1139] и другие примеры.

Причина неоднозначной грамматической квалификации неизменяемых форм на -ь в отсутствии у них формальных частеречных показателей и в семантических свойствах, которые позволяют им в древнейших славянских текстах занимать позицию любого определения в синтагме: как приименного — атрибута и предиката, так и прилагольного. По этой причине сегодня нет возможности отнести их ни к одной из традиционных лексико-грамматических категорий, ср. использование кыспрь в качестве имени-атрибута (= 'высоким'): сын кыспрь съ от'цемъ възннж яко богъ Супр 458, 29 ([ССС, 160] — наречие), в качестве прилагольного определения — наречия: възкѣде оун кыспрь И 11, 41 Зогр, Мар, Ас ([ССС, 160] — наречие), в качестве обстоятельства — имени существительного: н на кыспрь съ ангѣлы съчета сѣ МД Зоб 21–22 ([СИХІ–ХІІ, 1, 135] — наречие).

В древнейших славянских рукописях формы на -ь являются архаичными, первичными именными синкретами, сохраняющими в текстах синтаксическую свободу, а следовательно, и категориальную неопределенность. Только синтаксическая позиция, и то отчасти, позволяет говорить о классифицирующих, грамматических особенностях этих форм. Лишь в определенных случаях, например при наличии в синтагме полнозначного глагола и при существовании однозначных семантических отношений определяемого и определяющего, следует говорить об узко определительной (обстоятельственной) функции форм на -ь. Но их однозначная лексико-грамматическая характеристика как лексем вряд ли возможна.

Анализ образований на -ь дает нам право говорить о том, что именно богослужебные тексты сохраняют и продолжают традиции употребления наиболее архаичных образований, которые, с одной стороны, обладают свойствами слов-синкрет, а с другой — на русской почве в текстах различных жанров вступают в синонимические и антонимические связи с другими словами.

На основе анализа отношений между формами типа разлнчъ, оутрь и разлнчънъ, оутрьнн в работе делается вывод о том, что именно первичные синкреты явились производящей базой для многих

суффиксальных образований с определительной семантикой. Считаем не соответствующим действительности мнение о том, что производящей базой прилагательных типа *разлнчнь*, *оутрьнн* и под. являются наречия. Об этом свидетельствуют и реальное происхождение прилагательных из синкретичных имен, и то, что приименной атрибут первичен по отношению к обособившемуся в синтагме прилагольному атрибуту.

Своеобразие рассмотренных форм состоит в том, что они являются одновременно и синкретами, и определителями. Семантика основы способствовала их регулярному употреблению в качестве характеризующих слов, а синтаксическая функция в свою очередь способствовала морфологизации значения. Средством морфологизации стал формант *-ь*. В конечном итоге мягкая основа имени явилась средством выражения отношения в классе производных отыменных образований (ср., например, использование аналогичного средства посессивами). В то же время невыразительность этого средства для выражения отношения вообще привела к вытеснению таких форм образованиями, в которых признак через отношение был выражен другими средствами, например именными суффиксами, специализировавшимися как суффиксы прилагательных.

В то же время формант *-ь* и в более позднее время продолжает осознаваться как средство выражения определительных отношений. Поэтому слова с пространственной и временной семантикой (формы *прѣжднь*, *въчерашьнь*, *въчеращнь*, *домашнь*, *нѣинѣшьнь*, *нѣинѣщнь*, *оутрѣшьнь*; *горьнн*, *дольнн*, *върхънн*, *оутрьнн*, *прѣжьнн*, *раньнн* и под., рано проявившие тенденцию к оформлению специальными — лексическими, морфологическими, словообразовательными — средствами) активно используют формант *-нь*: мягкая основа + *-ь* — это, в частности, показатель прилагольных определителей предшествующего этапа. Следует заметить, что такого рода формы, составляя с посессивами один класс ранних определителей, четко противопоставлены посессивам характером производящих основ: основой первых является аппеллятивная лексика, в основе вторых — имена собственные. А на фоне широкого круга омоформ на *-о*, *-ѣ* (синкреты, имена существительные, нечленные прилагательные, новые наречные образования) мягкая основа остается еще какое-то время выразительной как средство оформления слов с характеризующим значением.

IV. Одним из способов специализации первичных имен являлось осложнение их при помощи суффиксов с компонентом *-н-*. Довольно

многочисленной группой производных от имен на -ь была группа образований с суффиксом -ьнь: *срьдьнь, древьнь, прѣмьнь, оутрьнь* и под. и с суффиксом -ьнъ: *нздральнъ, соугоубьнъ* и др.

Традиционно считается, что такие прилагательные образуются от наречий (наречных основ). Однако и словообразовательные связи, и структура, и семантика, и в целом история взаимодействия этих двух грамматических классов слов с древнейших времен вплоть до сегоднешнего дня свидетельствуют об обратном – производящей базой для наречий были имена (после формирования специализированных категорий – существительные и прилагательные), но не наоборот. В работе показано, что словообразовательной базой для характеризующих форм с компонентом -и- явились первичные синкретичные имена с преобладающим у них субстанциональным значением места и времени: *горьни, дольни, врьхъни* из *гора, долъ, врьхъ*; *прѣжьни, ранъни, оутрьни* из *прѣждъ = прѣждь* ‘передняя часть, передняя сторона; нос корабля’ [Срезн, 2, 2, 1645], *рань* иск. ‘утро, ранее утро’ [Даль, 3, 1590], ср. также *наранъ, порану* [Даль], *оутрь, оутро* и т. д.

Двоякая соотнесенность прилагательных – с производящими синкретичными именами на -ь и с производящими именами с твердой основой (*исподъ – исподь, рано – рань* и под.) – явилась одной из причин функционирования суффиксов -ьн- и -ьнъ- в сфере производных как с временным и обстоятельственным значением, так и с иными значениями, ср.: *окольни* и *окольнън*, *горьни* и *горьнън*, *домовьни* и *домовьнън*, *начальни* и *начальнън*, *коньчъни* и *коньчънън*, *врьховьни* и *врьховьнън*.

Если сопоставить все факты: 1) контаминированность, “производность” суффикса -ьнь, 2) универсальность суффикса -ьнъ и специализацию суффикса -ьнь, 3) явно вторичную соотнесенность наречия, 4) однозначно отыменные прилагательные на -ьнь (*летом – летнии*), 5) более позднюю фиксацию многих образований на -ьнь и др., – то следует констатировать, что длительная история параллельного существования этих двух генетически родственных формантов (-ьнь и -ьнъ) свидетельствует как о первичной связи обоих с именными основами (-ьнь в первую очередь с синкретичными по семантике и грамматической функции именами на -ь), так и о постоянной конкуренции и выработке специализированной функции у -ьнь, так как для -ьнъ, как более универсального с точки зрения производящих основ,

специализация устанавливалась уже в соотношении с другими формантами прилагательных.

При признании существования в языке модели на -ь, оформляющей первично производные синкретичные имена с превалирующим у них признаковым семантическим компонентом, становится понятным закрепление мягкой основы в производных с компонентом -н- с аналогичными пространственными и временными значениями.

Известно, что образования с суффиксом -нь на русской почве имели только членные формы. Этот факт можно объяснить тем, что, получая формант -нь, слово, в силу первоначальной семантико-грамматической специфики членной формы, остается в сфере имен с продолжающей быть актуальной для них семантикой наименований атрибутов-субстанций. Они, "отрываясь" от производящего слова — имени субстанции и определяя иное имя (которому новый, не свойственный ранее, внешний признак приписывается), сохраняют не только семантические (признак через отношение), но и грамматические связи с производящим — атрибут остается сопологаемым именем-субстанцией. Иначе говоря, член выступает как средство грамматикализации субстанциональности таких форм, член (и в силу своего генезиса, и в силу той роли, которую он начинает играть как словообразовательное средство) является компонентом, который актуализирует субстанциональность, предметность. Членные формы на этапе своего появления существовали как вторичные синкреты с преобладающей субстанциональной семантикой.

Большая субстанциональность таких членных синкрет существовала на фоне недифференцированных с точки зрения суффиксальных нечленных синкретичных образований с общеименными суффиксами (-н-), которые были в свою очередь показателями, актуализаторами признаковости, проявлявшейся в большей мере при соположении имен. В абсолютном употреблении такие формы по своей синтаксической функции и семантике продолжали оставаться именами-синкретами с субстанциональной семантикой.

Таким образом, путь первичных синкрет с преобладающим характеризующим значением от определителей в синтагме до членных прилагательных можно условно представить в виде следующих этапов:

- образование от первичных синкретичных имен характеризующих синкрет на -ь как одно из средств специализации характеризующих производных имен,
- образование производных с суффиксом -нь как иной, альтернативный и структурно четче оформленный путь специализации,

- конкретизация некоторых имен на -ѣнѣ с помощью “специализированной” для обозначения характеристики мягкой основы,
- грамматикализация субстанционального значения имен на -ѣнѣ и -ѣнь с помощью члена.

При таком подходе объясняется 1) наличие производных с обстоятельственной семантикой на -ѣнѣ при наличии параллельных на -ѣнь: *врьхоѣнѣ* — *врьхоѣнь*, *горѣнѣ* — *горѣнь*: последние вторичны, выравнены по специализированным формам на -ѣ и дифференцированы по грамматической семантике по отношению к первым, 2) наличие параллельных образований на -ѣнь, не имеющих пространственного и временного значения: *вѣтрѣнь*, *проѣннн*, *лишѣннн* — наиболее общим значением финали -ѣнь является значение отношения вообще, и 3) наличие членных образований у обстоятельственных форм на -ннн: в силу обозначения суффиксальными именами конкретных пространственных и временных значений на этапе производства присоединение члена является средством оформления субстанциональных компонентов понятия.

Таким образом, одним из средств дифференциации, продолжающим более раннюю традицию морфологизации определительного значения синкретичных имен с помощью -ѣ, в древнерусском языке явился суффикс -ѣнь, который, с одной стороны, делал форму производной, а следовательно, переводил ее в активно формирующуюся группу имен-определителей, значение которых выражалось через отношение посредством формального показателя, а с другой — дифференцировал формы с обстоятельственным (пространственным и временным) значением основы и формы с собственно определительным (качественным) значением, которые имели суффикс -ѣнѣ.

V. Одним из показательных фактов отражения в минейных текстах формирования в древнерусском языке яркой группы приглагольных определителей — наречий на -ѣ — является изменение их абсолютного и относительного количества в разновременных рукописях, см. табл. 3 и 4.

Положение о том, что в древнерусских письменных памятниках XI–XIII вв. происходит постепенное сокращение наречий на -ѣ, не подтверждается нашим материалом. Несмотря на их малое абсолютное количество, относительные величины использования этих форм чрезвычайно показательны: в гимнографических текстах употребление наречий на -ѣ не становится более редким, наоборот, относительное количество употреблений растет от века к веку.

Таблица 3

Количество наречий на -о

Абсолютные и относительные величины	ПМ		М12		М13		М14	
	Наречия	Употребления	Наречия	Употребления	Наречия	Употребления	Наречия	Употребления
Количество абсолютное	80	274	123	316	135	346	153	417
% от всех форм в тексте	2,02	1,16	4,04	2,05	3,87	1,88	3,7	1,63
% от всех определительных наречий	—	68,8	—	82,3	—	77,1	—	71,5
% от определительных наречий на -о и -ѣ	95,2	91,3	93,2	92,1	91,2	89,4	89,5	89,1

Таблица 4

Количество наречий на -ѣ

Абсолютные и относительные величины	ПМ		М12		М13		М14	
	Наречия	Употребления	Наречия	Употребления	Наречия	Употребления	Наречия	Употребления
Количество абсолютное	4	26	9	27	13	41	18	51
% от всех форм в тексте	0,1	0,11	0,3	0,17	0,38	0,22	0,45	0,2
% от определительных наречий	—	6,53	—	7,03	—	9,13	—	8,75
% от определительных наречий на -о и -ѣ	4,76	8,67	6,82	7,87	8,78	10,6	10,5	10,9

Чтобы объяснить этот факт, был проанализирован материал старославянских рукописей. Показано, что существует три группы старославянских текстов, которые отличаются друг от друга соотношением

наречий на -о и на -ѣ: рукописи с преобладанием употребительности форм на -о, с преобладанием употребительности форм на -ѣ и рукописи, в которых употребительность форм на -о и на -ѣ примерно одинакова. На примере кирилловской Супрасльской рукописи и глаголического Синайского Евангелия показано, что в пределах одного и того же текста или вообще отсутствуют одноосновные наречия на -о и -ѣ (Син.Евх), или существенно и системно преобладают формы на -ѣ (Супр). Показано, что в текстах, созданных в Преславской школе (Супрасльская рукопись, Хиландарские и Зографские листки), происходит рост форм на -ѣ. При этом увеличивается и количество пар одноосновных образований. Но последнее можно наблюдать лишь при сопоставлении различных текстов, в одной рукописи предпочтение чаще отдается одной из двух вариантных форм.

Доказано, что формы на -ѣ и на -о не были столь "безразличны" к основе, как это считалось до сих пор, а на синхронном срезе основы оказываются избирательными по отношению к финалям -о и -ѣ. С точки зрения динамики процесс видится таким: в древнейших глаголических рукописях формы на -ѣ единичны или вообще отсутствуют (Синайская псалтырь — *мѣѣ, годѣ, докрѣ*, Ассеманиево Евангелие — *мѣѣ, зѣѣ, докрѣ, лютѣ*), в кирилловских старославянских памятниках происходит активный рост количества наречий на -ѣ и их употребительности (Супрасльская рукопись), в древнейших богослужебных восточнославянских рукописях XI–XIII вв. действует эта же тенденция, и лишь в текстах XIV в. и более позднего времени уменьшается и употребительность, и количество наречий на -ѣ: они сохраняются в русских текстах в качестве стилистической приметы славяно-книжного стиля.

Есть все основания полагать, что использование формантов -о и -ѣ для осложнения разных производящих основ является способом грамматикализации смысловых отношений, которые уже существуют между словами в синтагме. На первом этапе при существовании продуктивной модели прилагательных на -о активен дифференциатор на -ѣ, на втором — после перемещения в предикативную позицию нечленных имен и ухода их в пассивный слой происходит активизация наречий на -о.

Необходимость использования специального формального показателя для наречий на определенном этапе их развития доказывается, в частности, и долгим, а тем самым показательным сосуществованием некоторых одноосновных наречий на -о и -ѣ в славянских языках. Основой для появления новой модели приглагольных определителей яв-

ляется существование омонимичных форм на -о как в разряде приименных определителей, так и в группе имен с предметным значением. Необходимость найти способ дифференциации наречий, с одной стороны, и прилагательных и существительных — с другой, требует использовать формы на -ѣ в качестве морфологизованных прилагольных определителей и является причиной их дальнейшей активизации.

Понимание форм на -ѣ как специализированных прилагольных определителей снимает вопрос о причинах их продуктивности в поздних старославянских текстах: формы с финалью -ѣ служат средством дифференциации собственно прилагольных определителей, с одной стороны, и одноосновных образований на -о и форм на -ь с широкой характеризующей грамматической семантикой — с другой.

На этом этапе — этапе функционально-семантической специализации наречных образований в пределах текста — прилагольные определители на -о, как менее показательные, чем одноосновные на -ѣ, с точки зрения формы на фоне большого количества омонимичных образований, уступают место последним.

Немаловажным фактором, который в славянских языках на первом этапе определил активизацию форм на -ѣ, стал синкретизм форм на -о, их способность в различных синтаксических позициях обозначать или предмст, или его признак, или быть определением действия. Формы на -ѣ изначально обладали меньшими омонимическими возможностями и при отсутствии в синтагме соотносимых падежных форм имени, будучи изолированными в синтагме от именной группы, однозначно могли быть определителем действия.

Все сказанное относится и к функционированию форм на -ѣ в исследуемых нами текстах служебных мисей. Минимальное количество этих образований в ПМ (4 слова, 26 употреблений) должно быть объяснено созданием текста в тот период, когда формы на -ѣ еще не были продуктивны в славянской языковой системе, а увеличение слов и употреблений в рукописях XII–XIII вв. объясняется как созданием этих текстов в период становления группы наречий на -ѣ, так и несформированностью в древнерусском языке категории прилагательного. Последнее препятствовало замене наречий на -ѣ наречиями на -о, вытеснение становится заметным лишь в XIV в. (см. некоторое снижение относительной употребительности форм на -ѣ, табл. 4), когда нечленные приименные атрибуты окончательно уступили место членным прилагательным и “освободившаяся” от определяемого имени

именная форма начинает все более втягиваться в сферу грамматического влияния предиката и полупредикатов синтагмы.

В дальнейшем аналогичный фактор – функционирование в древнерусском языке имен на -о типа *добро*, *зѣло* – способствовал сохранению лишь некоторых наречий на -ѣ – *доброѣ*, *зѣлоѣ* и под., – основных формам имен существительных.

VI. В работе показано, что существовал один и тот же механизм появления предложно-падежных и беспредложных наречий.

Так, форма производящего синкретичного имени, грамматические характеристики которого зависят от синтаксической позиции и от семантических отношений форм, грамматически связанных в синтагме, определяет и форму производного прилагательного определителя: если производящее имя-субстанция, то форма производного может быть приставочной, а если имя-атрибут, то – бесприставочной (то же: если имя осложнено суффиксом, то и прилагательное определение имеет его, если нет – то для образования наречия используется бессуффиксная форма). Ср. *въ правдоу*, *по правдѣ*, *правдою* – из существительного *правда*, *правъ* – из синкретичного бессуффиксного имени *правъ*, *правы* – из бессуффиксной формы приименного определителя *правы*, *правдѣно* – из суффиксального приименного определителя *правдѣнъ*; ср. то же разнообразие наречных форм с основой *мал-*: *мало* – *малы* – *мала* – *въ малѣ* – *на малѣ* – *по малѣ* – *маломѣ* [ССС, 320-322]. Именно разнообразием форм с субстанционально-характеризующей грамматической семантикой, ставших производящей базой прилагательных определителей, объясняется большое количество словообразовательных моделей наречий: в сферу прилагательного определения переходят слова с различными грамматическими значениями, функция которых – характеристика действия через субстанцию или атрибут субстанции, в любом случае движение это происходит через семантику первоначально синкретичного по своим грамматическим и семантическим свойствам имени.

Соотносимость с прилагательным как производящей базой для наречия, а тем более образование все новых и новых наречий от прилагательных могли стать возможными и оформиться в качестве системной словообразовательной связи, в качестве модели только после окончательного формирования класса прилагательных как специального номинативного средства для выделившегося, обособившегося от субстанции понятия о признаке. До того времени наречия производились от имен с широкой, синкретичной семантикой, включающей в себя одновременно понятие и о пространстве, и о времени, и об образе

действия и т. д. Если на начальном этапе было актуальным и возможным образование наречий от имен с пространственной и временной семантикой, то по мере появления имен собственно характеризующих, актуализирующих и иные признаки в первичном имени, то есть при обособлении широкого круга характеризующих прилагательных (членных форм), стала возможной и актуальной модель неизменяемых, тем самым оторвавшихся от субъекта и примыкающих к глагольному центру определителей-отадъективов.

Таким образом, показателем сформированности понятия о согласуемом признаке имени существительного – о прилагательном – в логико-понятийной системе русского языка является не только образование отвлеченных существительных на базе имен прилагательных, но и продуктивность и оформленность производства отадъективных наречий.

VII. Проведенное исследование позволило выявить путь, этапы и механизм становления определительных наречий. Кроме того, удалось определить тот критерий (помимо увеличения количества членных образований и постпозитивных нечленных именных предикатов), по которому можно объективно судить о степени сформированности категории имени прилагательного в русском языке – это активность использования в древнерусских текстах наречий, одноосновных именам прилагательным.

Наше понимание связи активного образования определительных наречий со становлением прилагательного как особой части речи для выражения окончательно сформированного понятия о признаке соотносится с общими тенденциями увеличения словообразовательной базы наречий в истории. Это происходит, в частности, благодаря формированию широкой базы для лексем-характеристик – имен прилагательных. Наречие образовывалось только на базе слова, в котором доля признаков была существенной и актуальной в семантическом и грамматическом плане. В наречии происходит концентрация того понятия-характеристики, понятия об атрибуте, которое развивается в производящей присубстантивной форме.

В связи с этим становится понятным позднее формирование наречных моделей, соотносимость наречий и с именем существительным, и с именем прилагательным и наличие вторичных словообразовательных связей с прилагательными разной семантики.

Представленное понимание фактов, описание процессов закрепления наречия как полноценного в системе лексико-грамматического класса на базе группы приименных атрибутов находится в полном соответствии с движением и изменением грамматической системы языка

в целом. Показанные изменения — одно из звеньев общего, единого грамматического процесса все большего обособления признака в качестве абстрактного понятия и проявления его на морфологическом уровне сначала как класса прилагательных и предикативов, а затем и как наречий.

В заключении содержатся основные выводы.

Формирование и окончательное утверждение определительных категорий имени прилагательного, наречия (группа определительных наречий) и субстантивата явилось закономерным результатом развития семантической и грамматической системы древнерусского языка. Дифференциация понятийных категорий субъекта, объекта, предиката и обособление особой категории атрибутов требовала специальных форм выражения, которые и развивались в рамках первичного нерасчлененного имени.

Становление специализированных определительных форм прошло несколько этапов: от использования разных формальных показателей определительности имени с различной степенью выражения характеристики-свойства-качества (формы на -ъ, -ьнъ, -ьнз, членные образования) и оторванности от имени (приглагольные и приименные определители на -о, приглагольные определители на -ѣ) до морфологизованных средств выражения приименных атрибутов — имен прилагательных в численной форме, приглагольных определителей — наречий, именных предикатов — предикативов и характеризующих существительных — субстантиватов.

Помимо логико-понятийных предпосылок и оснований, в ходе развития определительных категорий принципиально важными стали собственно языковые условия: функции именных характеризующих форм в синтагме, отношения между сопологаемыми именами, классы и группы сопологаемых и независимых имен, их семантика, позиция характеризующих образований относительно других компонентов синтагмы и др.

Важнейшую роль в формировании членных атрибутов и приглагольных определителей сыграли синтагматические факторы, которые при семантической нерасчлененности имени и при возможности установления характеризующим именем одновременно нескольких грамматических связей внутри синтагмы способствовали прояснению того или иного — субстанционального или характеризующего — компонента грамматического значения.

Принципиально важным является вывод о взаимобусловленном развитии в древнерусском языке всех определительных категорий, об

их постоянном взаимодействии в процессе категориальной специализации.

В ходе исследования подтверждена исключительная древность языка Путятиной минеи, проявляющаяся в отражении архаичного состояния определительного звена морфологической системы.

Исследование показало, что тексты богослужебного содержания являются не только полноценным, но в ряде случаев незаменимым источником для исследования языковых процессов в силу своей жанровой природы. Несомненно, что именно эти тексты были тем "полигоном", на котором изменялись и развивались многие особенности русской грамматики.

В трех приложениях приводятся все общие и частные количественные и статистические данные об употреблении форм и количестве слов исследуемых определительных категорий и их групп в каждом из исследуемых памятников; соответствующие данные лексикографических источников; представлена методика вычисления употребительности и активности каждой группы анализируемых образований.

Положения работы отражены в следующих основных публикациях:

1. Автоматизированная обработка древнерусского текста. (Цели и задачи, проблемы, пути решения) // Вестн. УдГУ. – 1994. – № 6. – С. 36–50. (1,25 п. л.)
2. Палеографические особенности почерков Путятиной Минеи XI века // Вестн. УдГУ. – 1996. – № 7. – С. 31–64. (2,8 п. л.)
3. Древнерусские богослужебные тексты как источник изучения истории русского языка и культуры: подготовка к изданию Майской служебной Минеи XI в. (Путятиной) // Мат-лы Всерос. конкурса науч.-иссл. проектов в области гуманитарных наук. Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. – Москва, 1996. – С. 96–107. (В соавт. с Марковым В.М., Князевой О.А., Мироновым А.Н., Никифоровой С.А., Пуленковым О.И.). (1,5/1 п. л.)
4. Компьютерная лексикография и древнерусские тексты // Междунар. конгресс II Дни славистики в Андалусии (II Jornadas Andaluzas de Eslavística). – Baeza, 1997. – С. 8–9. (0,1 п. л.)
5. Об универсальности электронного издания древнерусских текстов // Актуальные проблемы истории русского языка: Науч. конф., посвященная 70-летию проф. В.М. Маркова. – Казань, 1997. – С. 26–28. (0,2 п. л.)
6. Лексикографическое описание древнерусских текстов (к вопросу о графико-орфографических и грамматических сведениях в автома-

- тизированных словарях) // Междунар. конф. "Сопоставительное описание статике и динамики современного русского языка в теоретическом и прикладном аспектах". – Братислава, 1997. – С. 3–4. (0,1 п. л.)
7. Лексикографическое описание древнерусских текстов (к вопросу о графико-орфографических и грамматических сведениях в автоматизированных словарях) // Porovnávací opys statiky a dynamiky súčasného ruského jazyka z teoretického a praktického hľadiska. Zborník ruského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty Univerzity J.A. Komenského v Bratislave. – Bratislava, 1998. – С. 13–17. (0,3 п. л.)
 8. К проблеме издания и обработки древнерусских текстов с помощью ЭВМ // Традиционная 4-я Всерос. конф. с междунар. участием. – Ижевск, 1998. – С. 321–322. (0,1 п. л.)
 9. Древнерусская лексикография: теория и практика // Opera Slavica. – 1998. – VIII, 2. – С. 30–41. (0,75 п. л.)
 10. Лингвистическое описание древнерусских текстов (к вопросу о требованиях к лингвистическим информационно-поисковым системам) // Изучение славянских языков, литератур и культур в инославянской среде. – Белград, 1998. – С. 14–15. (0,1 п. л.)
 11. К вопросу о требованиях к автоматизированным информационно-поисковым системам обработки древнерусских текстов (поиск информации) // Prouchavanje slovenskih jezika, knjizhevnosti i kultura u inoslovenskoj sredini. – Beograd: Filoloski fakultet, Slavistichko drushtvo Srbije, 1998. – С. 52–57. (0,4 п. л.)
 12. К вопросу о соотношении почерков и инициалов в майской служебной Минее XI века // Удмуртия накануне третьего тысячелетия. – Ижевск, 1998. – С. 74–75. (0,1 п. л.)
 13. Графико-орфографические особенности новгородских служебных миней XI–XIV вв. // Porovnávací opys statiky a dynamiky súčasného ruského jazyka z teoretického a praktického hľadiska. Zborník ruského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty Univerzity J.A. Komenského v Bratislave. – Bratislava, 1998. – С. 19–25. (В соавт. с Никифоровой С.А.). (0,4/0,3 п. л.)
 14. К вопросу о фонеме "ять" в новгородских служебных Минеях XI–XIV вв. // Изучение славянских языков, литератур и культур в инославянской среде. – Белград, 1998. – С. 15–17. (В соавт. с Никифоровой С.А.). (0,2/0,1 п. л.)
 15. К вопросу о фонеме "ять" в новгородских служебных Минеях XI–XIV вв. // Prouchavanje slovenskih jezika, knjizhevnosti i kultura u inoslovenskoj sredini. – Beograd: Filoloski fakultet, Slavistichko

- drushtvo Srbije, 1998. – S. 57–66. (В соавт. с Никифоровой С.А.). (0,6/0,4 п. л.)
16. Электронные издания древнерусских памятников и их соотношение с печатными // 4-я Рос. унив.-акад. науч.-практ. конф. – Ч. 3. – Ижевск, 1999. – С. 133–134. (0,1 п. л.)
 17. Отражение фонетических и фонематических изменений древнерусского языка в новгородских служебных Минеях XI–XIV вв. // 4-я Рос. унив.-акад. науч.-практ. конф. Ч. 3. – Ижевск, 1999. – С. 136–137. (0,1 п. л.)
 18. Богослужебные тексты как источник для изучения исторической фонетики русского языка. (На материале текстов XI–XIV вв.) // *Příspěvky ke slovanské filologii. Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity.* – Brno, 1999. – S. 9–20. (0,75 п. л.)
 19. Издание древнерусских памятников и некоторые вопросы лексикографии // *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky. Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity.* – Brno, 1999. – S. 113–121. (0,6 п. л.)
 20. Древнейший русский письменный памятник — Новгородская служебная Мицея за май (Путятина) в сети Интернет // Интернет. Общество. Личность. ИОЛ–2000. Новые информационно-педагогические технологии. – СПб., 2000. С. 91. (В соавт. с Вотинцевым А.А., Зуга О.В., Мироновым А.Л., Мироновым А.Н., Никифоровой С.А., Пуленковым О.И., Романенко А.В., Рябовой Е.В., Шаровой А.В.). (0,2/0,1 п. л.)
 21. К проблеме субстантива-субстантивата-субстантивации в истории русского языка (на материале древнейших гимнографических текстов) // 5-я Рос. унив.-акад. науч.-практ. конф. Ч. 1 / Отв. ред. В.А. Журавлев, С.С. Савинский. – Ижевск, 2001. – С. 41–43. (0,2 п. л.)
 22. Звательная форма имен в древнерусских минеях // 5-я Рос. унив.-акад. науч.-практ. конф. Ч. 1 / Отв. ред. В.А. Журавлев, С.С. Савинский. – Ижевск, 2001. – С. 45–46. (0,1 п. л.)
 23. Прилагательное или нерасчлененное имя? (К проблеме звательной формы имен прилагательных в древнерусском языке) // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию проф. Б.Н. Головина. – Н. Новгород: Изд-во НГУ, 2001. – С. 26–31. (0,4 п. л.)
 24. От нерасчлененного имени к семантико-грамматической определенности прилагательного и субстантив(ат)ов // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар.

- науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): Тр. и мат-лы: В 2 т. – Т. 1. – Казань: Изд-во КГУ, 2001. – С. 56–57. (0,1 п. л.)
25. Именная синкрета в истории русского языка // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: Сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф.: В 3 т. – Т. 3. – Соликамск, 2002. – С. 10–19. (1,25 п. л.)
26. Функционирование прилагательных и наречий в богослужебных текстах XI–XIV вв. // Язык в пространстве и времени. Ч. 1. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. – С. 6–10. (0,3 п. л.)
27. Структура и функции информационно-поисковой системы “Манускрипт” // Мат-лы XIII конф. Ассоциации АИК. Санкт-Петербург, 26–29 июня 2002 г. Информационный бюллетень Ассоциации “История и компьютер”. № 30. Специальный выпуск. – М., 2002. – С. 87–89. (В соавт. с Вотинцевым А.А., Гнутиковым Р.М., Зуга О.В., Мироновым А.Н., Никифоровой С.А., Ощепковым С.В., Романенко А.В., Рябовой Е.В.). (0,2/0,1 п. л.)
28. Функционирование образований с начальным присно- в древнерусском тексте // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: Сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф.: В 3 т. – Т. 3. – Соликамск, 2002. – С. 4–9. (В соавт. с Никифоровой С.А.). (0,4/0,3 п. л.)
29. Еще раз о фонеме “ять” в древнерусских текстах (на материале Новгородской служебной Миней, Соф. 199) // Вестн. УдГУ. – 2002. – № 6. – С. 136–148. (В соавт. с Рябовой Е.В.). (1,1/0,8 п. л.)
30. Электронные издания древних письменных памятников и технология создания полнотекстовых баз данных // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики / Ред. Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров. – М., Изд-во МГУ, 2003. – С. 234–260. (В соавт. с Вотинцевым А.А., Гнутиковым Р.М., Зуга О.В., Мироновым А.Н., Никифоровой С.А., Ощепковым С.В., Романенко В.А., Рябовой Е.В.). (1,7/1,3 п. л.)
31. Функционирование определительных наречий в древнерусских богослужебных текстах // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 12–14. (0,2 п. л.)
32. Формирование определительных категорий в истории русского языка. – Казань: Изд-во КГУ, 2003. – 390 с. (22,78 п. л.)